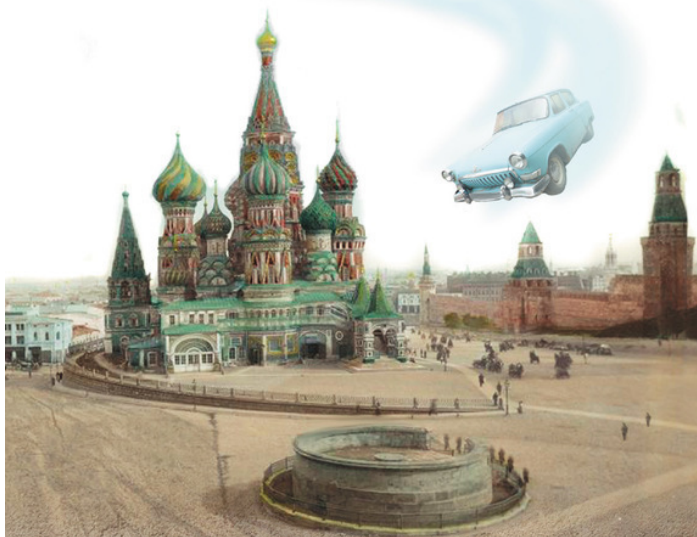

Эдуард
ТОПОЛЬ

ЛОБНОЕ МЕСТО

Эдуард Владимирович Тополь

Лобное место. Роман с будущим

Серия «Лобное место», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8643697

Тополь, Эдуард Владимирович. Лобное место. Роман с будущим:

[роман]: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-087953-3

Аннотация

Детективный роман «Лобное место» – это неожиданное продолжение «Красной площади» и «Журналиста для Брежнева», бестселлеров восьмидесятых годов. Действие романа происходит в прошлом веке, в наши дни и в 2034-м, когда люди начнут путешествовать во времени, а на киностудиях страны будут экранизировать «И возвращается ветер» В. Буковского, «Полдень» Н. Горбаневской, биографии генерала Петра Григоренко, Александра Солженицына и академика Андрея Сахарова.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	13
3	19
4	26
5	37
6	45
7	52
8	56
9	64
10	76
Часть вторая	89
1	89
2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Эдуард Тополь

Лобное место.

Роман с будущим

Литература всерьез – это радостный плач о прекрасном и горестном мире, который так скоро приходится покинуть.

Юрий Нагибин

Лобное место – это гора Голгофа (по-евр. – «лобное место»), где по преданию был погребен Адам и лоб его, то есть голова, освятилась кровью Спасителя, когда Его распяли.

В Москве, на Красной площади, каменное с чугунными воротами Лобное место было сооружено при Борисе Годунове. До переноса столицы в Санкт-Петербург Лобное место было главной общественной и политической трибуной Москвы.

Из Интернета

Авторские права Эдуарда Тополя защищены.

Все перепечатки данной работы, как полностью, так и частично, категорически запрещены без письменного разрешения автора, в том числе запрещены любые формы репродукции данной работы в печатной, звуковой или видеоформе.

Любое нарушение закона будет преследоваться в

судебном порядке.

© Э. Тополь, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Часть первая

Лобное место, или Привидение в пятом павильоне

1

Если бы я не работал на «Мосфильме», я бы никогда не поверил в эту историю. Даже не все, кто сейчас там работает, верят, что это было на самом деле. А потому я не собираюсь ни уверять вас, ни доказывать правдивость моих слов. Я просто расскажу то, чему сам свидетель, поскольку вся история разворачивалась на моих глазах и – больше того – я был ее невольным участником.

Все началось в июле 2014 года в Пятом павильоне, днем, буквально за минуту до съемки первого дубля. Тут для непосвященных нужно пояснить, что Пятый павильон (а также все остальные съемочные павильоны «Мосфильма» от Первого до Девятого) – это такой огромный ангар, в котором работники нашего «Декорстроя» по эскизам и чертежам киношных художников строят декорации, нужные для съемок той или иной кинокартины. Декорации бывают самые разные – от простой деревенской избы или московской коммунальной квартиры до парижской улицы, дворцовых покоев

Ивана Грозного и футуристических интерьеров звездолета XXIII века.

В этот день мы снимали довольно дорогой объект – крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого, с фонтаном посреди мозаичного пола и креслом для Понтия Пилата. За колоннами был сад – не нарисованный, а почти настоящий – с декоративными деревьями, в которых мы поселили настоящих ласточек, чтобы, привлеченные струями фонтана, они, как сказано у Булгакова, сами залетели под колоннаду, оживляя статичность диалога Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри. Дальше, за садом были видны упомянутые Булгаковым конные статуи гипподрома – правда, не реального, а нарисованного на стене павильона, но умело размытого туманной дымкой белого пара, создающего эффект отдаленного миража и зноя. А нависающие с потолка прожекторы палили на эту декорацию так мощно, что актерам не нужно было играть изнуряющую иерусалимскую жару – зной на площадке был как в Аравийской пустыне.

И вот в ту секунду, когда все было готово – великий Стас Ярваш в белом, с кровавым подбоем плаще Понтия Пилата, гениальный Иван Безлуков в разорванном голубом хитоне Иешуа, невзрачный Обводников с куском пергамента – секретарь Пилата, и великан Варуев в доспехах кентуриона Крысобоя уже стояли за софитами, чтобы по сигналу второго режиссера войти в кадр, – в эту секунду классик нашего кинематографа Андрей Витольдович Верховский, дождавшись

прилета ласточки к фонтану, поднял, наконец, руку и своим барским голосом сказал: «Приготовились! Тишина в павильоне! Мотор!» «Хлопушка» Люся ту же метнулась к объективу, чтобы скороговоркой объявить: “Мастер и Маргарита”, кадр сорок четвертый, дубль первый!» – но именно в этот момент кинооператор Сергей Акимов, нажав кнопку мотора камеры, вдруг закричал со своего операторского крана на весь павильон:

– Ё...! Уберите девку из кадра!!!

Ласточка испуганно вспорхнула из фонтана и, стрижа воздух острыми крыльями, улетела куда-то под колосники. А мы ошалело захолопали глазами – какую девку? Никаких девок в кадре не было и быть не могло.

Тут Акимов, снявший дюжину шедевров нашего кино, и сам, отлипнув от окуляра камеры, увидел, что никаких девок нет на съемочной площадке.

– Блин! – сказал он в сердцах и виновато посмотрел на режиссера. – Померещилось...

Верховский сдержанно кашлянул:

– Кх... Пить меньше надо.

– Меньше кого? – ревниво спросил в стороне Понтий-Ярваш.

Все рассмеялись. О пивческих способностях Акимова и Ярваша на «Мосфильме» ходили легенды.

– Тихо! – снова приказал Верховский. – Тишина на площадке. Ждем ласточку.

Мы замерли.

В мертвой тишине павильона стало опять слышно, как, точно по Булгакову, «вода пела замысловатую приятную песню в фонтане».

Наконец этот чистый струящийся звук успокоил птиц, одна из ласточек впорхнула из сада на балкон и села к фонтану точно по центру кадра. Лучшей мизансцены быть не могло! Верховский, чтобы не спугнуть ласточку, негромко сказал: «Внимание! Мотор!», Серега Акимов, сидя на операторском кране, снова прильнул к окуляру камеры, и Люся опять возникла с хлопашкой перед объективом.

– Стоп! – вдруг громко сказал Акимов, выключил камеру и повернулся ко второму режиссеру: – Тимур, твою мать! Какого хрена эта сука делает на площадке?

Это уже было ЧП. Мало того что Сергей снова сорвал съемку, так он еще и публично, при всей группе матерно оскорбил дагестанца Тимура Закоева!

Тимур напрягся так, что худая его фигура превратилась в клинок, загорелая лысина побелела, а на темном ореховом лице разом вспухли и ноздри, и скулы.

– Какая сука? – сухим голосом спросил он у Акимова.

– Вон сидит у левой колонны! – показал Сергей на совершенно пустую балюстраду и тут же сам увидел, что ни у левой, ни у правой балюстрады нет ни души. – Что за хрень? – пробормотал он и правым глазом снова припал к окуляру камеры. – Да вот же! – и позвал Верховского: – Андрей Ви-

тольдыч! Смотрите!

– Я и так вижу, – сдержанно произнес Верховский. – Там нет никого.

– А вы сюда идите, сюда! – настойчиво сказал Серега. – Посмотрите в камеру.

Сделав принужденное лицо, Верховский подошел к операторскому крану. Мы с интересом ждали развязки. Хотя ты и лучший оператор страны, лауреат трех «Золотых орлов», но чтобы так, до чертиков в глазах, упиться накануне съемок! Решится ли Верховский отстранить его от съемок?

Между тем Акимов уже уступил Верховскому свое место на операторском кране, и Верховский присел к камере, прильнул глазом к объективу. Потом отстранился, глянул на съемочную площадку и – снова правым глазом к окуляру объектива.

– Ничего не понимаю... – растерянно пробормотал он. – Тимур, можно вас?

Эта его манера ко всем, даже к осветителям обращаться на «вы» не только устанавливала дистанцию между ним, небожителем, и нами, смертными, но не раз помогала и нам, грешным, сдерживать свои эмоции. Закоев, дергая скулами, подошел к операторскому крану.

– Взгляните... – и Верховский уступил ему место у камеры.

Сопя раздутыми ноздрями, Закоев заглянул в объектив. Потом так же, как Верховский до него, поверх камеры по-

смотрел на колоннаду и фонтан и – снова склонился к камере.

Мы во все глаза следили за этой сценой. Поскольку старик Верховский, как и еще несколько живых мастодонтов эпохи советского классицизма, не признавал мониторов, дублирующих камеру, мы не могли видеть того, что видел кинообъектив. Но что они, все трое могли видеть в камере, чего не видели мы?

Между тем Закоев, которого из-за его бешеного характера дважды исключали из ВГИКа и не дали диплом режиссера-постановщика, вдруг каким-то кошачьим движением сошел с операторского крана и вкрадчивой походкой кавказского барса устремился на съемочную площадку. Он шел так осторожно, что, минуя фонтан, даже не спугнул ласточку, которая продолжала безмятежно наклоняться к воде и пить ее своим крохотным клювиком. Не останавливаясь и не отрывая глаз от левой колонны – так хищный зверь подкрадывается к своей добыче, Закоев достиг этой колонны и, растопырив руки, стал шарить у ее подножия. Потом выпрямился, посмотрел на Акимова и Верховского и крикнул им:

– Ну? Есть что-нибудь?!

Акимов заглянул в объектив.

– Нет, она исчезла...

– Значит, можем снимать, – сказал Закоев не то Верховскому, не то вообще нам всем.

Но тут я не выдержал:

– А что там было, Андрей Витольдыч?

Как редактор фильма и автор телевизионной экранизации великого романа, я не входил в служебную иерархию киногоруппы и имел право на некую вольность даже в общении с режиссером-постановщиком. Впрочем, эта вольность тут же подала пример и всем остальным, они оживились:

– Что вы там видели? Кто там был? Какая девка?

– Голая? – уточнил Понтий-Ярваш.

Верховский поднял руку:

– Тихо! Тишина в павильоне! Успокойтесь! Чепуха, ничего не было, приступаем к съемке...

2

Так бы все и забылось – мало ли чепухи случается на съемочных площадках, если бы назавтра Верховского, Акимова и меня как редактора фильма не вызвали к Егору Палычу Пряхину, заместителю генерального. Когда мы вошли в его кабинет, увешанный плакатами легендарных советских и постсоветских фильмов, там уже сидели режиссеры-постановщики Лев Хотуленко и Валентин Дубров со своими редакторами и операторами, снимающими в соседних с нами павильонах, а также коренастый увалень, начальник мосфильмовской охраны, фамилию которого я не знал.

– Присаживайтесь, – сказал нам Егор Палыч, отложив в сторону «МК» с цветными заголовками событий на Луганском и Донецком фронтах. Даже под цивильным пиджаком его широкие плечи выдавали выправку бывшего полковника ВДВ. Но в голубых и обычно спокойных глазах человека, много повидавшего в своей армейской жизни, на сей раз была если не тревога, то озабоченность.

Мы сели к длинному лакированному столу, ножкой от буквы «Т» приставленному к рабочему столу Пряхина.

– Итак, все в сборе, я хочу вам кое-что показать, – и Пряхин посмотрел на Акимова: – Мы проявили и оцифровали твой вчерашний материал...

– Как? Без меня? – возмутился Сергей.

– Подожди, не кипятись. Мы же не тронули негатив. Просто все уже давно снимают на цифру, а вы на пленку. Но мы и от позитива взяли всего-то первые сорок метров. Смотрим... – И Пряхин включил большой видеоэкран, висевший на стене напротив его стола.

Экран ожил, на нем сначала, как обычно, поплыла серо-голубая рябь, потом всякие черные и белые лабораторные клейма начала пленочной катушки и наконец возникла наша съемочная площадка – все та же залитая светом крытая колоннада между двумя крыльями дворца Ирода Великого, с фонтаном посреди мозаичного пола, креслом для Понтия Пилата и – в перспективе – сад с декоративными деревьями, в которых мы поселили настоящих ласточек. Впрочем, сейчас нам было не до сада и ласточек, поскольку в левой стороне кадра, у лепного основания левой колонны действительно спала, укрывшись серым солдатским одеялом, какая-то девушка. Издали, то есть на общем плане, было невозможно разглядеть ее лица, оно было прикрыто каким-то помятым черным беретом, зато были ясно видны ее торчащие из-под одеяла ноги и туфли на сношенных каблучках. Впрочем, их мы тоже не успели разглядеть, поскольку из динамика грянул голос Сергея Акимова: «Ё..! Уберите девку из кадра!»

Все рассмеялись, включая самого Сергея, а Пряхин сказал:

– Тихо, это не всё.

Тут, прямо в подбор, на экране возникла декорация Чет-

вертого павильона – эдакий современный конференц-рум на верхотуре одного из небоскребов Москва-Сити. За его прозрачными стенами была, как с вертолета, видна вся Москва. А за длинным белым столом шло оживленное заседание руководителей какой-то корпорации, все этикие уважаемые бизнесмены, которых играли не кто-нибудь, а наши крупнейшие кинозвезды – Никита Михаловский, Сергей Боярчук, Натан Хаменский и т. п. Но как раз в самый разгар их ожесточенного производственного спора за стеклянной стеной, то есть на фоне крыш соседних небоскребов, вдруг – словно по воздуху – медленно проходит все та же девушка в черном берете и с серым солдатским одеялом на плечах. Прервав диалог буквально на полуслове, и Михаловский, и Боярчук, и Хаменский с открытыми ртами изумленно повернули головы вслед этой фигуре, а она, ни на кого не глядя, не то сомнамбулой, не то ангелом прямо по воздуху прошла себе мимо. (Ну, понятное дело, шла она вовсе не по воздуху, а по полу Четвертого павильона, но на фоне рисованного задника, изображавшего Москву с высоты семидесятого этажа, это выглядело миражом и привидением.)

– Это что за фигня?! – раздался из динамика возмущенный голос режиссера Хотуленко. – Стоп!

Конечно, по команде «Стоп!» его оператор выключил камеру, и мы не услышали продолжения объяснений Хотуленко с его вторым режиссером. Зато на экране тут же, и снова в подбор, даже без черной пленочной проклейки, пошла

еще одна сцена, теперь из Третьего павильона. Там уже полгода снимался бесконечный историко-цыганский телесериал «Очи жгучие» о какой-то немыслимой – из поколения в поколение – цыганской любви с родовыми проклятиями, пламенными страстями и зажигательными танцами. То есть западный сериал «Тюдоры» на российско-цыганский лад. И как раз вчера Валентин Дубров снимал эпизод цыганской свадьбы с участием венгерской кинозвезды Сильвии Рокки, парижского ресторанныго кумира барона Романа Ромелло и нашего самого знаменитого цыганского певца Николая Стаченко. Понятное дело, там была толпа цыганских артистов и артисток в ярких нарядах, музыка гремела на весь павильон и столы ломились от бутафорских яств – вина, фруктов, тортов и прочих кулинарных соблазнов. Но в тот момент, когда прилетевшая всего на один день красотка Сильвия Рокки со слезами на глазах пела о своей пламенной любви к сыну седого барона Романа Ромелло, – именно в этот момент прямо за ее спиной вдруг возникла все та же женская фигура в черном берете и с солдатским одеялом на плечах. Не обращая внимания на поющую Рокки, она шла вдоль свадебного стола, жадно хватала со стола бутафорские яблоки и пироги и надкусывала их, пытаясь съесть. А убедившись, что и то бутафория, и это, отшвыривала и хватала что-то еще. Правда, лица ее снова было не разглядеть из-за толпы цыганских статистов на переднем плане.

Зато Сильвия Рокки увидела ее буквально в упор и, пре-

рвав свою арию, ошарашенно застыла, а потрясенный цыганский барон вдруг спросил у этой нищенки на чистом еврейском языке идиш:

– Вер бист ду? (Ты кто такая?)

– Стоп! – прозвучал теперь голос Дуброва, и мы, к сожалению, не услышали и не увидели, как его второй режиссер Шура Козлова ринулась на площадку ловить эту бесцеремонную самозванку, но, по словам Дуброва, ее и след простыл, она буквально растворилась в воздухе.

– Итак, – сказал Пряхин, терпеливо дослушав возбужденного Дуброва. – В первую очередь я не хочу, чтобы по студии распространились слухи о каком-то привидении в наших павильонах. Поэтому сегодня вы нормально снимаете, как ни в чем не бывало. А после смены все три павильона будут опечатаны, и Виктор Кириллович, – тут Пряхин кивнул на начальника мосфильмовской охраны, – лично обшарит там каждую щель и дырку. Мы найдем эту девицу. Но у меня к вам просьба. Вы сами видели – все три сцены сняты на общем плане, лица этой девицы невозможно разглядеть. Поэтому, если вдруг она снова появится у вас в кадре, пожалуйста, не выключайте камеру. Наоборот, сделайте наезд до крупного плана, нам нужно ее лицо на пленке. Договорились?

Мы переглянулись. Ничего себе задание – снять крупный план привидения, которое слоняется по мосфильмовским павильонам.

– И еще, – сказал Пряхин и повернулся к Акимову и Хотуленко: – Сережа и Лев Антонович, я вас прошу: этот кадр нам понадобится для прокуратуры. Пожалуйста, запишите его без мата!

Серега и Хотуленко одновременно крикнули с досадой и стали подниматься.

– Мы можем идти? – спросил у Пряхина Верховский.

Но Пряхин не успел ответить – дверь его кабинета распахнулась и в комнату буквально ворвалась толстуха Эльвира Шукуровна, заведующая студийным кафе «Чистое небо» – черноглазая пятидесятилетняя армянка с волосами, выжженными до соломенной желтизны, и бедрами размером с тележные колеса.

– Вот ты где?! – с порога закричала она коренастому начальнику охраны. – У меня со склада половина продуктов пропала, а ты тут расселся! Егор Палыч! – повернулась она к Пряхину. – У нас на студии, ваще, есть охрана или нету?

3

– Стерва армянская! – выругался Акимов по дороге в Пятый павильон.

– Почему? – удивился я.

– Да потому! Эта девчонка наверняка взяла у нее только пару шоколадок. А она теперь половину продуктов на нее спишет!

– С чего ты взял, что у Эльвиры на складе побывала именно та девушка?

– А кто же? Ты видел, как она хватала еду на цыганской свадьбе? А там одна бутафория была...

Я совру, если скажу, что в эту же минуту я заподозрил Серегу в симпатии к нашему привидению. Я не Шерлок Холмс и не комиссар Мегрэ. И я бы даже не вспомнил об этом разговоре, если бы в тот же день на нашей съемочной площадке не случилось новое ЧП.

Вот как было дело. Если вы помните роман «Мастер и Маргарита», то знаете, что только за то, что Иешуа Га-Ноцри назвал Понтия Пилата «добрым человеком», тот вызвал кентуриона Марка Крысобоя и приказал ему показать арестованному, как надо разговаривать с Пилатом. После чего Крысобой уводит Иешуа в сад, берет у легионера-охранника бич и, несильно размахнувшись, бьет Иешуа по плечам, но так, что «связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему

подрубили ноги».

Хотя у Булгакова эта короткая сцена занимает всего несколько строк, в кино это практически отдельный съемочный день. Потому что всё – и свет, то есть прожекторы-софиты, и камеру – нужно переместить с объекта «колоннада» в объект «сад Понтия Пилата», а самое главное – для этой сцены, слава богу, уже не нужен актер Ярваш, который, работая в театре, снимается одновременно в трех фильмах и дает нам только один-два дня в месяц. Поэтому все сцены с Ярвашом-Пилатом мы сняли вчера и позавчера, а на сегодня была запланирована только сцена великана Варуева-кентуриона, Безлукова-Иешуа и легионера с бичом.

А теперь представьте эту съемочную площадку: красивый сад с бутафорскими деревьями и настоящими ласточками, искусственная зеленая трава и статный легионер в кольчуге до колен и блестящей римской каске, стоящий с бичом у бронзовой статуи.

– Внимание! – говорит Верховский. – Мотор! Начали!

Рослый Серега Акимов, прильнув к окуляру, включает камеру, Люся выскакивает перед объективом, скороговоркой кричит: «Мастер и Маргарита», кадр шестьдесят восемь, дубль один!», хлопает хлопашкой и отскакивает в сторону. После чего сюда, под тень деревьев, великан Марк Крысобоу должен привести связанного Иешуа в порванном голубом хитоне, взять у легионера бич и, несильно размахнувшись...

Стоп! В том-то и дело, что дальше случилось нечто непостижимое.

Стоя рядом с камерой, мы – вся киногруппа – видели, как Варуев, и в жизни-то страшный без всякого грима, а теперь еще и с лицом, обезображенным наклеенными шрамами, вывел Иешуа, взял у легионера бич и взмахнул им. Но! Полного взмаха у Варуева не получилось, потому что бич словно зацепился за что-то. Варуев дернул сильнее – бесполезно! Он изумленно оглянулся. Мы, стоявшие неподалеку, не видели того, что увидел он, а видели только бич, натянутый так, словно кто-то держал его другой конец. Зато мы увидели, как в изумлении открылся рот не только у великана Варуева, но и у Безлукова-Иешуа, и у бессловесного легионера. Они, все трое, даже отшатнулись от чего-то, что не было видно нам, простым зрителям. А Варуев просто выпустил бич из своей огромной лапищи.

– Стоп! Егор, в чем дело? – сказал Варуеву Верховский, стоявший у камеры и видевший то, что видели мы.

Варуев растерянно повернулся к Верховскому.

– Я... я не знаю... – произнес он с детской растерянностью. – Она держит бич...

– Кто «она»? – нахмурился Верховский.

– Ну, вот же... – Варуев показал рукой в пустоту напротив себя и охнул: – Ё! Ее уже нет. И бича тоже...

Бича уже действительно не было, это мы видели и сами. Да, только что рукоятка бича, выпущенная ошеломленным

Варуевым, лежала подле него в зеленой искусственной траве, а теперь – исчезла вместе с бичом.

Верховский повернулся к Акимову:

– Сережа! – и удивился: – Ты снимаешь?

Чтобы оператор после команды «Стоп!» не выключил камеру, а продолжал снимать, было настолько невероятно, что Верховский впервые в жизни перешел с ним на «ты»!

Акимов шумно выдохнул и выключил, наконец, камеру. Верховский подошел к нему:

– Что там было?

– Я вам потом покажу, – негромко и как бы тет-а-тет ответил Акимов и стал перезаряжать камеру. (Что было странно, поскольку в кассете триста метров пленки на десять минут киносъемки, а Серега снял от силы метров шестьдесят.)

Но ни Верховский, ни я, стоявший рядом с ними, не успели спросить, почему он это делает, поскольку в эту минуту что-то странное стало снова происходить на съемочной площадке. Там великан Марк Крысобой-Варуев вдруг заговорил с пустотой. Да-да, представьте себе: возвышаясь своей мощной фигурой и над Иешуа-Безлуковым, и над мордатым римским легионером, он вдруг жалобно-просящим голосом стал говорить куда-то в пустоту:

– Нет! Не стреляйте!.. Что?.. Нет, я вам клянусь – я его и пальцем не трону!.. Но это же кино! Я рядом с ним полосну бичом воздух, а на экране будет впечатление... Хотите, мы порепетируем без бича? Вы сами увидите...

– Егор, вы с ума сошли? – изумился Верховский. – С кем вы там репетируете?

Но Варуев то ли не слышал, то ли делал вид, что не слышит.

– Ваня, давай покажем, – как-то суетливо сказал он связанному Безлукову и, стоя в двух шагах от Иешуа, взмахнул рукой и полоснул воздух воображаемым бичом.

Гениальный Безлуков мгновенно рухнул наземь, как будто ему и вправду подрубили ноги, его распахнутый в немом крике рот захлебнулся воздухом, а лицо побледнело без всякого дополнительного грима, и глаза обесмыслились.

– Видите? – сказал в пустоту Варуев. – Потом ассистенты наденут ему другой хитон, с кровавой полосой, и я подниму его, как пустой мешок. Но это уже будет другой кадр. Пожалуйста, отдайте бич. Мне на детский спектакль, я опаздываю. Встань, Ваня...

– Это правда, – проговорил, вставая, Иешуа-Безлуков. – Я тоже спешу, мне в театр...

– А мне к зубному, – добавил бессловесный легионер.

И представьте себе, прямо из ниоткуда, из пустоты, как в цирке, к ногам Крысобоя-Варуева вдруг сам собой упал тот же самый бич. Варуев нагнулся и взял его осторожно, как змею.

– Спасибо, – негромко сказал он незримому магу, повернулся к Верховскому и уже в полный голос объявил: – Всё, можем снимать.

После чего передал бич легионеру и, взяв под руку Иешуа-Безлукова, вышел с ним из сада и из кадра.

Верховский, потрясенный этой сценой, в недоумении повернулся к Акимову. Но тот уже вставил в камеру новую касету с пленкой, заглянул в окуляр объектива и сказал как ни в чем не бывало:

– Можем. Я готов.

– Хм... Ну и кино... – проворчал Верховский и повысил голос: – Внимание! Приготовиться к съемке! Мотор!

Люся выскочила перед камерой, крикнула скороговоркой: «Мастер и Маргарита», кадр шестьдесят восемь, дубль два!», хлопнула хлопущкой и отскочила в сторону.

– Начали! Входите! – приказал Верховский.

Мы замерли, ожидая очередного шоу с еще каким-нибудь трюком. Но больше ничего необычного не произошло – страшный Марк Крысобой-Варуев спокойно вывел в сад Иешуа-Безлукова, взял у легионера бич и, несильно размахнувшись, полоснул воздух за плечом Иешуа. Безлуков упал так же гениально, как и в первый раз.

– Стоп! Снято! – сказал Верховский. – Готовьте хитон с кровью...

Ну, и так далее – весь эпизод был снят за полтора часа без всяких новых происшествий.

Но как только съемка кончилась, мы, конечно, обступили Варуева, Безлукова и актера-легионера.

– Кто там был? Кого вы видели? С кем вы говорили?

– Потом, потом! – отмахнулся Варуев. – Я тороплюсь...

И тараном прошел сквозь нас к выходу из павильона. А следом за ним, тоже отмахиваясь, пряча глаза и ссылаясь на спешку, сбежали гениальный Безлуков и актер, игравший легионера. Мы, конечно, кинулись к Акимову:

– Но ты-то хоть скажешь, что было в первом дубле?

– Завтра, – сказал Сергей. – Завтра проявят пленку, и всё увидите сами.

Но когда назавтра мосфильмовская кинолаборатория сообщила, что кассета с пленкой, на которой был снят разговор Варуева с призраком, отнявшим бич, оказалась засвеченной, я пошел искать Акимова. Это было непросто, территория «Мосфильма» на Воробьевых горах огромна – четырехэтажный главный корпус, пятиэтажный производственный, съемочные павильоны, «Декорстрой», два корпуса звукозаписи, натурные декорации старой Москвы, монтажные... И в каждом есть, конечно, свое кафе, где можно «хлопнуть», «дернуть» и «принять на грудь».

Но в «Чистом небе» Акимова не оказалось, в кафе «Зимний сад» тоже, а в баре «Софит» Дима-бармен сказал мне по секрету, что час назад Акимов взял у него в долг бутылку коньяка. «А закусь?» – спросил я. «А на закусь у него тем более денег не было», – сказал Дима. Я взял у Димы два яблока, два хачапури и два бумажных стаканчика и отправился в мосфильмовский сад, посаженный еще Александром Довженко в 1934 году. Тогда будущего классика советского кино уволили с Киевской студии, а Иосиф Маневич, редактор «Мосфильма», пригласил его на «Мосфильм», и Довженко своими руками посадил тут сотню яблоневых саженцев, которые разрослись замечательным садом прямо перед главным корпусом. Все мосфильмовские девушки и алкаши лю-

бят теперь это место.

Акимова я нашел в глубине сада, под антоновкой и рядом с бетонной Царевной-лягушкой, сидящей на берегу крохотного пруда, вырытого тут Пряхиным по приказу генерально-го. Посреди пруда журчал фонтан – почти такой же, как в нашей декорации в Пятом павильоне. Стоял жаркий июль, яблони, хоть и с запозданием в этом году, но уже расцвели белой пеной мелких цветов, и Серега, прикрыв глаза бейсболкой, мирно спал в тени яблоневых крон. Спящий под яблоней, он мог бы послужить хорошим натурщиком для монументальной скульптуры Эрнста Неизвестного или Родена. Споловиненная им бутылка дешевого армянского «три звездочки» стояла в траве возле его богатырского плеча.

Я подошел, сел рядом.

– Серега, ты спишь?

Он не реагировал.

Я поставил на землю два бумажных стаканчика, взял бутылку и разлил по ним остаток коньяка. Знакомое бульканье тут же разбудило Сергея, он поднял козырек бейсболки и удивленно скосил глаза в мою сторону.

– А, это ты...

Я протянул ему хачапури:

– Держи. Ешь, пока горячее.

Сергей потянул носом запах хачапури, крикнул и сел в траве.

Судя по его румяному виду, я предположил, что он про-

спал минут сорок и почти протрезвел.

Мы съели по хачапури, допили коньяк и стали закусывать яблоками. Я сказал:

– О'кей, зачем ты засветил эту кассету?

Акимов посмотрел на меня:

– Я не...

– Не трюнди! – перебил я. – На этой кассете был снят разговор Варуева с призраком. И ты, я видел, наехал на него трансфокатором до предела. Кто это был? Та самая девка?

Где-то вдаль, за деревьями и мосфильмовским забором мягко шуршал поток машин по улице Косыгина. Акимов дожевал яблоко, взял пустую бутылку армянского и отжал из нее в свой стакан последние капли. Выпил, отер губы.

– Ладно, – сказал он. – Забожись, что никому!

Я приставил к верхним зубам ноготь большого пальца и резко отдернул в сторону:

– Гад буду!

Акимов усмехнулся:

– Нет. Тремя лысыми.

Клясться тремя лысыми – старинная вгиковская традиция, уходящая корнями в доисторическую эпоху Михаила Ромма, Сергея Герасимова и Льва Кулешова.

– Клянусь Говорухиным, Миндадзе и Мессерером, – сказал я.

Акимов удовлетворенно хмыкнул, потом глубоко вздохнул.

– Ладно, тебе скажу, но ты все равно не поверишь.

– Ну?

– Это Горбаневская.

– Кто-кто? – переспросил я.

– Наталья Горбаневская. Знаешь такую?

Я скорчил пренебрежительную гримасу. Наталья Горбаневская, известная антисоветчица и диссидентка семидесятых годов, еще в прошлом году умерла в Париже, и я хорошо помнил, как наша либеральная пресса писала, что на ее похоронах были послы Польши и Чехии, а от России не было никого. Чтобы спустя год после смерти она слонялась по мосфильмовским павильонам с солдатским одеялом на плечах? Конечно, Акимову давно пора бросать пить, иначе...

– Я же сказал: ты не поверишь, – перебил мои мысли Сергей. – Может, еще сбегаешь в «Софит»? Я отдам из получки.

– Если ты допился до Горбаневской, то бежать уже нужно в другое место.

– Ага... – Сергей пожевал губами и внимательно посмотрел на бетонную Царевну-лягушку. – Но там я уже был.

– Где ты был?

– У «Ганнушкина». Мы же там психушку снимали, ну – палату Бездомного. Забыл?

Я помнил, конечно. Но «палату Бездомного» с видом на Язуз и Оленьи пруды в психбольнице имени П. Ганнушкина мы снимали месяц назад, при чем тут вчерашнее появление призрака на «Мосфильме»?

Акимов упредил мой вопрос. Забросив обе руки за голову, он сцепил там пальцы и всей мощной фигурой откинулся назад, лег спиной в траву. А потом, глядя в небо, сообщил:

– Слушай и не перебивай. Вчера, когда я увидел ее в кадре, я сам испугался. Решил, что упился до чертиков, и сразу после съемки поехал к Свиридову. Помнишь Свиридова?

– Еще бы...

Когда Аскольду Свиридову, академику и звезде нашей психиатрии, позвонили с «Мосфильма» насчет съемок в его психбольнице, он не только тут же согласился, но даже предложил свой кабинет, а всё потому, что, как оказалось, он чуть ли не наизусть знает великий роман Булгакова. Больше того – этого Свиридова мы, вообще, едва не сняли в роли доктора, который принимает Ивана Бездомного и лечит Мастера, так он похож на врача-психиатра, описанного Булгаковым. Но от актерской карьеры Свиридов отказался, сославшись на то, что «коллеги не поймут», зато втихую отвел меня в архив своей психбольницы и показал стенограммы бесед врачей с Чикатило и другими знаменитыми психами. То есть во время съемок у нас с этим Свиридовым установились почти приятельские отношения. Но чтобы алкаш Акимов сам, по своему почину отправился к нему за психиатрической помощью – это он должен был очень сильно испугаться.

– И что тебе поставил Свиридов? Какой диагноз? – как бы в шутку спросил я у Сергея.

Поскольку Ивану Бездомному, гонявшемуся по Москве за

призраком «консультанта» Воланда и привезенному в психушку из ресторана «Дома Грибоедова», булгаковский врач присвоил шизофрению и галлюцинации на почве алкоголизма, я не сомневался в аналогичном диагнозе у Сереги.

– Какой, какой! – передразнил меня Акимов. – Если Свиридов меня отпустил, значит, я не псих. Да, пить нельзя, это и ежу ясно. Но все тесты я прошел, руки не дрожат, в глазах не рябит, и речь, как ты видишь, связная. А самое главное, после Свиридова я поехал к Ярвашу в театр, и сразу после его спектакля мы с ним так надрались, что ночью завалились к Безлукову. И что ты думаешь? Ваня показал нам ее в Интернете!

– Кого он вам показал?

Но Акимов как будто не слышал моего вопроса.

– Может, ты все-таки сбегаете еще за бутылкой? Я отдам...

– Кого вам показал Безлуков? – жестко перебил я.

Акимов снова вздохнул глубоко и разочарованно.

– Понимаешь, – проговорил он, глядя в раскаленное небо, – когда мы к нему приехали, он сидел в Интернете и смотрел «Диссиденты» и «Они выбрали свободу». Ты видел эти фильмы?

Честно говоря, снятые двадцать лет назад, еще в горячке лихих девяностых, документальные фильмы об академике Сахарове, Буковском, Марченко и других диссидентах, я, конечно, видел, но – как бы это сказать? – вовсе не хранил

в памяти. И кем среди них была эта Наталья Горбаневская, помнил крайне смутно.

Но Акимов и тут опередил меня:

– Ладно, не парься, мозги сломаешь. Двадцать пятого августа шестьдесят восьмого года Горбаневская и еще семь человек вышли на Красную площадь с плакатами против ввода советских танков в Чехословакию. Конечно, их тут же арестовали, избили и посадили. А Горбаневскую, поскольку она пришла на площадь с грудным ребенком, бросили в психушку. В семьдесят пятом, когда ее выпустили, она уехала в Париж, писала антисоветские книги и статьи и умерла в прошлом году, похоронена на Пер-Лашез. То есть надо быть полным психом, чтобы говорить, что она ожила и ходит по «Мосфильму». Но ее видел не только я...

Я ошарашенно смотрел на Акимова. Дело было не в том, *что* он говорил, а в том, что он ГОВОРИЛ! Я поздно, в двадцать четыре, поступил во ВГИК, но ни во ВГИКе, ни за двадцать лет моей работы в кино я никогда не видел *говорящих* кинооператоров. По-моему, это самая молчаливая профессия в мире, они даже со своими ассистентами и осветителями разговаривают только междометиями или в крайнем случае односложными репликами типа: «Левый софит прибавь!», «Правый выключи!» и «Зажми диафрагму». Всё. По моим сценариям три фильма и три телесериала сняты лучшими операторами страны, но я ни разу не слышал от них ни одного сложносочиненного и тем паче сложноподчиненного

предложения. Если бы, почти по Маяковскому, «выставить в музее говорящего оператора, весь день бы в музее торчали ротозеи...». И вдруг Серега Акимов, тот самый Акимов, который даже с бабами обходится двумя-тремя междометиями и старой вгиковской хохмой «Мадам, прилягемте у койку!» – этот самый Акимов говорит не на бытовые темы, а произносит целый политический монолог! Я не верил ни своим глазам, ни ушам, а он вдруг поднялся, сел в траве и посмотрел на меня в упор:

– Понимаешь, с ней говорили Стас Ярваш и Ваня Безлуков! Ты же сам видел, как они с ней разговаривали, когда она забрала бич.

– Я видел, как они разговаривали, но с кем – этого не видел никто.

– То есть, по-твоему, у нас троих коллективная шизофрения, так? Мы говорили с пустотой?

– Я этого не сказал...

– Но Безлуков, ваще, не пьет! – вдруг яростно, словно в отчаянии, крикнул Акимов. – Да, мы с Ярвашом алкаши, я согласен! Но Безлуков святой! Понимаешь? Святой!

– Хорошо. Успокойся. Ваня святой, он увидел кого-то, похожую на Горбаневскую, и, приехав домой, полез в Интернет, стал смотреть фильмы про диссидентов. Ну и что? Ты-то зачем засветил пленку, на которой ее снял? Где логика?

– Блин, как мне надо выпить! – сокрушенно сказал Сергей и даже оглянулся вокруг, ища, нет ли в саду кого-нибудь с

выпивкой.

Но по счастью, никого не было ни с выпивкой, ни без нее. Только вдали, в тени студийного Музея сидел гранитный памятник босого Василия Шукшина. Акимов посмотрел на него и стал расшнуровывать свои кроссовки сорок четвертого размера.

– Да, засветил! – сказал он мне с вызовом. – Потому что она попросила.

– Кто «она»? Горбаневская?

– Ну... – подтвердил он, стряхнул с ног свои модные «Аидасы» с косыми рубчатыми шипами на подошвах и, остужая свой пыл, по-шукшински уперся в землю босыми ногами.

– Серега, кочумай! – по-вгиковски укорил я его. – Это слишком! Горбаневская попросила тебя засветить кассету! Когда это было? У Свиридова в больнице? Ну? Что ты молчишь?

– А мне не хрен с тобой говорить! – вдруг остервенело, словно хмель снова ударил ему голову, озлобился Акимов. – Ты выпил мой коньяк и за мой же коньяк делаешь из меня психа! Вали отсюда!

– Хорошо, я куплю тебе коньяк. Но только после того, как ты скажешь, почему засветил ту кассету.

– Правда купишь? – тут же недоверчиво смягчился Сергей.

– Клянусь тремя лысыми.

Сергей стал тут же надевать кроссовки, говоря быстро и четко:

– Значит так. Разговор был во время съемки, но никто его не слышал, все слышали только Ярваша и Безлукова. Потому что Горбаневская вслух ничего мне не сказала, она говорила глазами... – Натянув кроссовки, Акимов стал завязывать шнурки, и было ясно, что он намерен тут же идти со мной за коньяком. – Да-да, когда я трансфокатором наехал на ее крупный план, она почувствовала камеру, повернулась ко мне и глазами сказала «нет, не надо». Всё, ты понял? – и Сергей встал. – А теперь пошли в «Софит».

– Подожди, Серега. Что я должен понять?

– Блин! – возмутился он. – За что тебя приняли во ВГИК?! Ты же тупой!

– Зато ты умный! – психанул я. – Семидесятилетняя Горбаневская поднялась из парижского кладбища, прилетела на «Мосфильм» и, обратившись в девушку, как вот эта Царевна-лягушка, шляется по павильонам. А ты скрываешь ее от нас, потому что она тебя об этом попросила взглядом своих прекрасных глаз. И ты хочешь, чтобы за этот бред я купил тебе коньяк? Какой именно? «Наполеон»? «Хеннесси»?

– Старик, – вдруг мягко сказал Серега и даже положил мне руку на плечо. – Ты знаешь, кто был ее следователем в шестьдесят восьмом году?

– Кто? – переспросил я. – И при чем тут?..

– При том, – сказал Акимов. – Главным следователем про-

кураторы, который лепил ее дело в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, была Людмила Андреевна Акимова, моя бабушка. Теперь ты купишь мне коньяк?

На следующий день я, как всегда, когда нет съемки, приехал на студию к одиннадцати. В этом не было никакого нарушения дисциплины, наш рабочий день не может быть регламентирован, поскольку все зависит от съемочного процесса – если нужно, мы работаем и по шестнадцать часов без перерыва даже на обед.

Но стоило мне зайти в проходную и показать вахтеру мосфильмовский пропуск, как он сказал:

– Пашин? Антон? Тебя Серафима ищет.

Я изумился:

– Кто?

– Ну, Серафима, секретарша директора. Срочно звони ей.

Наверное, в любом другом случае я бы возмутился, почему вахтер, которого я не знаю, сразу говорит мне «ты»? Есть люди куда моложе меня, но их почему-то все называют на «вы» и даже по имени-отчеству, а мне все только тыкают, хотя мне уже сорок с гаком. Но когда он сказал, что меня ищет сама Серафима, я тут же забыл про это амикошонство. Потому что не знаю, у кого на студии больше власти – у Вилена Назарова, генерального директора «Мосфильма», или у его секретарши Серафимы. Хотя бы потому, что попасть к Вилену можно только через нее, но, уверяю вас, это трудней, чем поступить во ВГИК или даже в МГИМО.

Сразу за проходной, во дворе студии больше сотни школьников-экскурсантов толпились у мосфильмовского Музея, почему-то им всем нужно было залезть в стоящий перед Музеем вагон допотопного трамвая и «сфоткаться», высунув голову в окно.

С трудом пробившись сквозь эту толпу, я почти бегом зашел к центральному корпусу. Зачем я понадобился Серафиме? Неужели Назаров прочел, наконец, мой последний роман, который я подарил ему полгода назад, и заинтересовался сюжетом? Но ведь он со вгиковских лет работает только с Жорой Покровским, как Эльдар Рязанов всегда работал только с Эмилем Брагинским, Вадим Абдрашитов с Александром Миндадзе, а Валерий Тодоровский с Юрием Коротковым. В кино творческие браки куда крепче семейных...

Еще одна сотня юных экскурсантов толпилась в коридоре центрального корпуса перед темной витриной манекенов-роботов из фильма «Вий». Обычно экскурсовод минут десять морочит детям голову рассказом о сложности съемок фильмов ужасов, а затем нажимает незаметную кнопку, и все внутреннее пространство витрины вдруг озаряется молниями и оглашается громом, жуткие манекены начинают шевелиться, и мистическая паненка, простирая руки, идет к зрителям. Девочки визжат, пацаны хохочут...

Просочившись сквозь эту толпу, я достиг, наконец, лифта, и он вознес меня на четвертый этаж, к приемной Назарова.

– Явился? – надменно сказала Серафима Альфредовна,

старинное русское имя ей было дано, чтобы нейтрализовать вызывающую прозападность имени ее папаши. Маленькая и седая, одетая, несмотря на летнюю жару, в глухое серое платье с высоким воротом, она властно, как британская королева, восседала за своим компьютером на высоком, как трон, кресле прямо у двери директорского кабинета. – Быстреей! – приказала она. – Заходи, Он ждет.

(Я бы, конечно, написал слово «он» с маленькой буквы, но Серафима произнесла это так, что я обязан написать с большой.)

К моему удивлению, в кабинете кроме Назарова был и Пряхин, и я остановился в дверях:

– Извините. Если у вас совещание...

– Нет-нет, заходи. – Вилен нетерпеливо поманил меня рукой, и я в который раз обратил внимание на его указательный и средний пальцы – в отличие от остальных, они были желто-коричневые от сигарет, которые Вилен не выпускает из рук. – Садись. Читай. – И поверх своего стола он протянул мне какой-то лист с напечатанным текстом.

Я взял этот лист и сел за стол напротив Прыхина. Вот что я прочел.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО
ДИРЕКТОРА КИНОСТУДИИ
«МОСФИЛЬМ» ПРЯХИНУ Е.П.

От начальника вневедомственной охраны
В.К. Стороженко

ДОКЛАДНАЯ

Сегодня ночью, в 01.20, во время ночного обхода территории студии охранниками А. Доченским и Б. Вислых была замечена короткая, не больше трех секунд вспышка света в студийном Музее старинной техники и реквизита. Удивленные этим, Доченский и Вислых немедленно проверили двери и окна Музея, но все они было закрыты, как и положено. Тем не менее Доченский и Вислых прибежали в дежурку за ключами от Музея и вместе с диспетчером Н. Пироговой открыли Музей и произвели полный обход залов. Никаких нарушителей, взломщиков или грабителей ими обнаружено не было, так же как не было следов взлома и повреждений опечатанных дверей. Однако в зале раритетных автомобилей место с табличкой «Волга»-ГАЗ-21 (снималась в фильмах «Берегись автомобиля», «Бриллиантовая рука», «Три тополя на Плющихе», инвентаризационный № МОС-43912) оказалось пустым, хотя согласно журналу выдачи музейного имущества никаких заявок на использование этого автомобиля от съемочных групп не поступало и никому этот автомобиль выдан не был.

Примерно в то же время, в 01.25, охранник С. Суржиков, дежуривший на восточном КП студии, услышал шум приближающегося мотора, а затем увидел, как сквозь закрытый шлагбаум со студии выехала светло-голубая «Волга» без водителя и

пассажиров. Решив, что это ему померещилось, С. Суржиков не сообщил диспетчеру охраны Пироговой о происшествии, за что получил от меня выговор с занесением в личное дело.

Произвести более серьезное наказание, то есть уволить Суржикова, я не считаю нужным, поскольку, согласно рапорту охранника северного КП П. Изольского и диспетчера Н. Пироговой, сегодня же, на рассвете, в 3.47, то есть уже засветло, та же светло-голубая «Волга» без водителя и пассажиров, то есть самостоятельно, проехала сквозь опущенный шлагбаум на территорию студии. На глазах Изольского машина проникла сквозь стену в Музей, о чем Изольский тут же доложил диспетчеру Н. Пироговой. Совместно, то есть Пирогова, Изольский, Доченский и Вислых, вошли в Музей и обнаружили автомобиль «Волга»-ГАЗ-21, инвентаризационный № МОС-43912, на своем месте. Однако осмотр автомобиля показал, что им только что пользовались – на колесах была пыль, а в бензобаке остатки бензина. К сожалению, никаких отметок о пробеге автомобиля в музейных документах не делается, и потому мы не можем определить по показаниям спидометра пройденный машиной за ночь километраж.

Прошу дальнейших указаний.

Пока я читал, Назаров нетерпеливо закурил свой отвратительный «Dunhill» – он курил только эти крепкие американские сигареты или французские, еще крепче, «Mirage».

Тут нужно сказать, что ему, единственному на «Мосфильме», разрешается открыто дымить в своем кабинете. Все остальные делают это втихую, нарушая его же, Вилен, запрет курить на студии. Но в остальном вся студия выполняет его приказы безоговорочно, поскольку именно он, Назаров, без пяти минут классик, поставивший любимую зрителями картину «Крымские ночи», а также «Отравленная любовь», «Американский сынок» и «Привидение “Тигр”», вытащил «Мосфильм» из полного банкротства и разрухи начала девяностых годов. Тогда, после развала СССР, государственное финансирование кинематографа прекратилось и все студии страны разом превратились чуть ли не в руины. «Ленфильм», Студия имени М. Горького, Центральная студия документальных фильмов и Студия научно-популярных и учебных фильмов бедствуют до сих пор, выживая только за счет аренды своих офисных площадей какими-то артелями и крохотными фирмами. И только «Мосфильм» – с тех пор, как его директором стал Вилен, то есть за последние десять лет, – буквально возродился из пепла.

Когда я дочитывал докладную, Назаров негромко сказал Пряхину:

– А почему ты думаешь, что это та же девка-привидение каталась ночью на «Волге»?

Пряхин развел руками:

– А кто еще? Вы же сами сняли фильм про танк-привидение. Им у вас кто управлял? Тоже экипаж-призрак.

– Но это же в кино, это метафора, – возразил Вилен.

– А у нас тут не кино? – спросил Пряхин. – Сначала она призраком шлялась по павильонам, а теперь еще и по ночам будет кататься на наших автомобилях! Я считаю, мы должны заявить в прокуратуру или в уголовный розыск.

Вилен повернулся ко мне:

– Ну? А ты что думаешь?

Я изумился третий раз за последние полчаса – с какой стати я вдруг стал принимать участие в директорских совещаниях? Но раз позвали, нужно сказать что-то умное.

– Гм... Мне кажется, тут больше подходит СК, Следственный комитет...

– Спасибо... – усмехнулся Вилен и загасил окурок в пепельнице, это его обычный жест, когда он сдерживает себя, чтобы не сказать что-то резкое. Но на этот раз не сдержался: – Позвонить в прокуратуру или в Следственный комитет РФ – это я могу и без тебя. Но как ты себе это представляешь? Я звоню генеральному прокурору страны и говорю, что у меня на студии завелись призраки. Да? И куда он меня пошлет? Как ты думаешь? – И, не дожидаясь моего ответа, Вилен повернулся к Пряхину: – Понимаешь, Егор, у нас, слава богу, нет пока ни трупов, ни серьезных хищений. Ну, стырили у Эльвиры какие-то продукты. Но это еще нужно доказать. Может, она услышала про привидение и сама эти продукты... А то, что ночью «Волга» выехала из Музея, покаталась по городу и вернулась – ну как я про это скажу

прокурору? Вот спроси у драматурга, какая будет реакция? – И Вилен требовательно повернулся ко мне: – А? Говори, не бойся!

Я вспомнил, что такого же характера вопросы нам задавали на творческих экзаменах во ВГИК.

– Думаю, он спросит, сколько ты вчера выпил...

Вилен саркастически хмыкнул:

– Если бы! Нет, дорогие мои, плохо вы знаете реалии нашей жизни! А я вам скажу. Завтра на совещании в Кремле прокурор скажет президенту, что я уже свинтил мозгами. И поставят вам другого директора, какого-нибудь «важняка». Понятно? – Вилен нервно выбил из пачки очередную вонючую «Dunhill» и сказал, прикуривая: – Нет, я-то не держусь за это кресло. Но студию жалко... – И вдруг остро глянул на меня сквозь облако дыма. – Так что, Антон? Берешься за это дело?

– Какое дело? – искренне не понял я.

– Ну, вот это, – Вилен кивнул на рапорт Стороженко. – Не понимаешь? Ты же сын «важняка», написал пять детективных романов. И все от первого лица, как будто сам следователь. Вот и поработай как детектив, мы тебе любую помощь будем оказывать.

Конечно, первым делом я отправился в Музей и тут же по-дивился оперативности Назарова или, точнее, Серафимы – в дверях Музея меня уже ждали его директор Клавдия Шилова, очкастая каланча и бывшая школьная училка Вилена Назарова, а с ней начальник мосфильмовской охраны Виктор Стороженко. Порой фамилии людей удивительно совпадают с их должностями или наоборот – должности совпадают с их фамилиями. Недавно в Интернете я наткнулся на целую фотогалерею табличек с такими совпадениями, там были «кассир Никопейкина», «банкир Мелочевкин» и даже директор кладбища «Недайбог». Но это я так, к слову, поскольку коренастый и плечистый, больше похожий на комод, чем на шкаф, Виктор Стороженко внешне идеально соответствовал своей должности.

– Наверное, Антон Игоревич, вы хотите осмотреть «Волгу», – сказала мне шестидесятилетняя Шилова, и я тут же отметил про себя, что вот и дождался обращения на «вы». То есть еще полчаса назад ни мои книги, выпущенные небольшими тиражами, ни должность редактора «Мосфильма», ни «корочки» члена Общественного совета прокуратуры г. Москвы не спасали меня от тыканья даже со стороны мосфильмовских вахтеров. Но стоило Вилену Назарову облечь меня особыми полномочиями, как я тут же стал Антоном

Игоревичем даже для его бывшей школьной учительницы.

– Да, конечно, – сказал я и почувствовал, как у меня выпрямилась спина и голос приобрел внушительную солидность. – Но не только «Волгу»...

– Мы понимаем, – кивнул Стороженко. – Идемте. Мы уже вывели из Музея все экскурсии.

Действительно, шумная сотня школьников-подростков уже толпилась поодаль от Музея вокруг старенького, времен Второй мировой войны «МиГа», выставленного посреди мофильмовского двора у бюста Сергея Бондарчука. Почему у нас на «Мосфильме» есть памятники только Бондарчуку и Шукшину, я сказать затрудняюсь, поскольку своим первым расцветом студия обязана великому Ивану Пырьеву: будучи в начале шестидесятых директором «Мосфильма», он построил тут огромные производственные корпуса и вместо выпуска четырех-пяти фильмов в год, как это было при Сталине, довел их производство до сотни и даже больше. Впрочем, вполне возможно, со временем тут появится аллея с бюстами и Пырьева, и братьев Васильевых, и всех остальных наших киноклассиков от Довженко до Гайдая. Но это предложение я смогу изложить Назарову только после того, как выполню его поручение. Если выполню...

А пока в сопровождении Шиловой и Стороженко я прошел через анфиладу залов с выставкой старинных костюмов и карет, бутафорских рыцарских доспехов и домашней утвари прошлых веков и попал в зал раритетной авто-

техники. Здесь сияли лаком старые, начала прошлого века «Форды»-кабриолеты, советские правительственные «Чайки»-«членовозы», «Мерседес» Штирлица и другие автомобили, принимавшие участие в съемках главных хитов советского кинематографа. И отдельно огражденное у окна почетное место занимала светло-голубая «Волга» (ГАЗ-21) из фильмов «Берегись автомобиля», «Три тополя на Плющихе» и «Бриллиантовая рука».

Конечно, прежде чем приступить к осмотру «Волги», я подошел к стене и окну, сквозь которые эта «Волга» якобы выезжала и въехала. Но никаких трещин, пятен или других примет разрушений не было ни на стене, ни в окне. И даже пыли не было под окном.

– Кто-нибудь тут уже убирал? – спросил я у Шиловой и Стороженко.

– Нет, что вы! – сказали оба хором. – Мы же понимаем...

– Ясно. А машину кто осматривал?

– Н-ну... Я осматривал... – осторожно признался Стороженко.

– И вы сидели в салон, трогали руль?

– Но это... – Он стал защищаться. – Я ведь должен был доложить...

– Да. Я понимаю, – и я повернулся к Шиловой. – Клавдия Романовна, у вас не найдется лупы?

– Лупы? – переспросила она и зачем-то потрогала свои очки. – О, да! Конечно! Сейчас принесу...

Я медленно обошел светло-голубую «Волгу», ощупывая взглядом ее корпус, колеса и бамперы. Но на этом раритете, за рулем которого сидели великие Смоктуновский и Ефремов, нигде не было ни царапины. И только черные покрышки были, как сказано в рапорте Стороженко, в дорожной пыли. Но как ни странно, никаких следов этой пыли или оттисков покрышек не было на полу между машиной и музейной стеной. То ли эта «Волга», поездив по городу, действительно по воздуху проникла в музей, то ли тут недавно вымыли пол.

– Пол тут мыли сегодня? – спросил я у Шиловой, спешившей ко мне с двумя разновеликими лупами в руках.

– Нет-нет! Что вы! – ответила она, передавая мне обе лупы. – Мы тут ничего не трогали!

«Кроме Стороженко, который уже залезал в машину», – подумал я и через лупу осмотрел никелированную дверную ручку машины со стороны водителя. На ней были четкие отпечатки пальцев, но даже ребенок сказал бы, что это отпечатки не женской руки. Я посмотрел на руки Стороженко – о, да! такими пальцами можно без гаечного ключа отворачивать даже ржавые гайки! Ну, и чтобы не томить вас попусту, скажу, что точно такие же отпечатки пальцев-лопат были на руле, на внутреннем дверном крючке, на ручке стеклоподъемника и на приборной доске машины, которую этот Стороженко, видимо, всю облапил, прежде чем писать свою докладную Назарову и Пряхину. Если до него тут и были какие-то другие отпечатки, то он их стер своими лапищами.

И я уже огорченно собрался выйти из машины, как вдруг меня осенило – коврики на полу! Повернувшись назад, я убедился, что там, на полу у задних сидений лежали чистые черные резиновые коврики, а здесь, под передними сиденьями не было ничего!

Распахнув дверцу машины, я жестом позвал к себе Шилову и Стороженко и спросил:

– А где коврики с пола?

– Коврики? – изумился Стороженко. – Тут не было ковриков.

– Как это не было? – возмутилась Шилова. – Тут всегда четыре коврика лежало.

– Но сегодня их не было, ей-богу! – забожился Стороженко. – Я еще сам подумал, когда сажился в машину...

Впрочем, я, склонившись к полу с лупой, уже и без его клятв увидел на полу под рулем отгиски его дешевых сандалий сорок второго размера. То есть когда утром этот Стороженко сел за руль машины, ковриков тут действительно не было. Хотя вчера, до ночного мистического выезда этой «Волги» с «Мосфильма», коврики в ней, безусловно, были, это можно было и не проверять по инвентарным книгам – Шилова все музейное имущество держит в идеальном порядке, не зря же таким хозяйственным гением оказался ее ученик Вилен Назаров.

Но куда они делись, эти коврики?

Удрученный полным отсутствием хоть каких-то версий

для дальнейшего расследования, я вышел из Музея. Шилова, которой я отдал две ее лупы, меня даже не проводила, а Стороженко, пряча глаза от такого бездарного следователя, снисходительно пожал руку и ушел в главный корпус. Я стоял на месте и не знал, куда мне идти. К Назарову? Но что я ему скажу? Что ночные похитители музейной «Волги» спёрли из нее два половых коврика? Зачем? Неужели для того, чтобы украсть эти коврики, нужно было угонять машину, а потом мистическим образом вернуть ее на место?

Группа шумных подростков-экскурсантов шла мимо меня от старенького «МиГа», стоявшего посреди мосфильмовского двора, к проходной. Я бы не обратил на них внимания, если бы тройка замыкающих хлыщей не курила и – самое главное! – одна из них, пигалица величиной с Елену Воробей, щелчком не швырнула свой окурочок в железную урну в десяти метрах от проходной.

Что-то, какой-то внутренний импульс или еще неясная мысль толкнули меня к этой урне. Я подошел к ней, словно притянутый магнитом. Поколебался секунду, а потом – видя краем глаза, как смотрит на меня стоящий у шлагбаума охранник, все-таки поднял эту урну и опрокинул на асфальт. – Эй! – крикнул охранник. – Ты чо делаешь?!

Но мне уже было начхать на него!

Потому что вместе с окурками и огрызками яблок из этой урны вывалились на асфальт два грязных резиновых коврика. На желтой засохшей грязи одного из них были ясные от-

печатки подошв больших мужских кроссовок с косыми рубчатými шипами.

Спустя двадцать минут в крохотном кабинете Стороженко в полуподвальном этаже главного корпуса мы с ним просматривали запись скрытой видеокамеры, установленной на мосфильмовской проходной. Телевизор у Стороженко был старенький, видеокамера тоже, да и установлена она была не очень удачно – в лицо видела входящих на студию, а уходящих – только в спину. Не знаю, знал ли про ее существование Серега Акимов, но думаю, что знал. Потому что вышел он со студии не сразу после возвращения «Волги» в Музей, то есть не в четыре и даже не в шесть утра, а только в 7.17 вместе с киногруппой «Волжские зори», закончившей ночные съемки в декорациях старой Москвы, построенной на задворках мосфильмовской территории.

Из чего я заключил, что, вернув (не знаю, каким образом) «Волгу» в Музей в 3.47 утра, Акимов просидел в ней (или проспал) до семи и, выходя со студии со съемочной группой «Волжских зорь», выбросил грязные коврики в мусорную урну перед проходной.

Конечно, оставались вопросы: где и в какой грязи он мог измазать свои кроссовки, если в Москве в эту ночь не было никакого дождя?

– Ну? – нетерпеливо спросил Стороженко, когда мы закончили смотреть видеозапись.

Я пожал плечами:

– Пока ничего не могу сказать...

Коврики с желтыми отпечатками грязных подошв кроссовок «Адидас» уже лежали в моем кабинете в нижнем ящике письменного стола, и хотя широкую спину Акимова я опознал на отметке «07.17» видеосъемки, я при этом ничем не выдал ни себя, ни Акимова – я не собирался никого посвящать в свое расследование до тех пор, пока не выясню у Сереги, что значит вся эта мистика.

Просто теперь, когда на видеосъемке я увидел высокую Серегину фигуру, пусть даже со спины, я уже не сомневался, что это он был за рулем нашей светло-голубой музейной «Волги» во время ее мистического исчезновения и возвращения.

Оставалось найти его и допросить, прижав неопровержимыми уликами.

Но ни его мобильный, ни домашний телефоны не отвечали. Точнее, мобильный отвечал стандартной фразой: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия Сети». Я зашел в «Софит» – Дима, бармен, Акимова сегодня не видел. То же самое мне сказали буфетчицы в кафе «Зимний сад» и «Чистое небо». На всякий случай я обошел яблоневый сад, но Акимова не было и тут. Тогда я позвонил Тимуру Закоеву – он, как опытный второй режиссер, держал под контролем всю съемочную группу.

– Акимов?! – закричал по телефону Тимур. – Если бы я

знал, где он, я бы его зарезал! Лично! Панимаешь, лично!

– А в чем дело? Что случилось? – испугался я.

– А ничего не случилось! – снова крикнула мне в ухо телефонная трубка. – Разве ты не знаешь, что у нас сегодня асваение?

Тут я вспомнил, что сегодня у съемочной группы «Мастер и Маргарита» освоение сложнейшего объекта – ресторана «Дома Грибоедова», куда ночью, завернувшись в простыню, с криками «Лови консультанта!» заваливается поэт Иван Бездомный, обезумевший после встречи с Воландом и гибели Берлиоза на трамвайных путях у Патриарших прудов. Поскольку хозяева здания на Тверском бульваре, 25, которое было прообразом «Дома Грибоедова», не разрешили проводить там съемки, несчастный Борис Теслабук, директор (а по-новому продюсер) нашего фильма, был вынужден за огромные, как он говорил, деньги закрыть на двое суток для этих съемок весь ЦДЛ. Причем в первые сутки тут происходило так называемое «освоение», то есть установка светового оборудования, разметка актерских передвижений, выбор основных точек съемки и прочие приготовления операторов, художников, реквизиторов и костюмеров с тем, чтобы на следующий день успеть за одну-полторы смены снять всё, что описано в этом эпизоде у Михаила Афанасьевича: и полный литераторов ресторанный зал с выходом на прохладную веранду, и знаменитый «грибоедовский» джаз-банд, и быстрые проходы официантов с криками «Виноват, гражданин!».

«Фляки господарские!», «Карский раз!», и сенсационное явление буйного Ивана Бездомного.

– Завтра такая сложная съемка, а этот мерзавец даже на асваение не явился! – продолжал Закоев, причем вместо «мерзавец» он произнес такое грубое кавказское слово, что я не могу его употребить тут даже без перевода. – Я его маму, папу и бабушку вместе буду асваиывать!

Я дал отбой. Подробности освоения Тимуром родителей Акимова и особенно его бабушки Людмилы Андреевны меня не интересовали.

Итак, Наталья Горбаневская, знаменитая диссидентка, восстала из гроба на парижском кладбище Пер-Лашез, омолодилась, прилетела в Москву и шатается по нашим павильонам, накрывшись солдатским одеялом. А буквально на-завтра после ее появления Сергей Акимов, один из лучших операторов страны, посреди ночи угоняет из нашего Музея старую «Волгу» выпуска 1962 года, хотя у него самого есть новенький кроссовер «Highlander», вот он стоит во дворе его дома на улице Пудовкина.

Я сидел во дворе этого дома на лавочке у детской площадки и, листая свежие газеты, купленные в газетном ларьке на углу Мосфильмовской и Пудовкина, пытался анализировать ситуацию. Но получалась полная ерунда. Даже если бы Горбаневская хотела сняться в кино, зачем ей лететь в Москву, когда завтра, четырнадцатого июля, в день взятия Бастилии, все кинокамеры Франции будут снимать народные гулянья на всех площадях страны? Нет, что за чушь лезет мне в голову? Нужно сконцентрироваться на Акимове. Одно дело – в алкогольных парах ему, терзаемому укорами совести за свою гэбэшную бабушку, мерещатся привидения, и совсем другое – реальный угон машины. И хотя этот угон тоже окутан мистикой – как эта «Волга» проникала сквозь стены Музея? – в том, что именно Акимов был за ее рулем, я уже не сомне-

вался. Вещественное доказательство – коврики с отпечатками его кроссовок «Адидас» – лежало у меня в кабинете, это раз. А второе – если акимовский «Highlander» стоит у его дома, а Сереги нет на освоении объекта ЦДЛ-«Грибоедов» и он не отвечает на телефонные звонки, значит, он просто спит у себя в квартире на шестом этаже. Что косвенно подтверждает его участие в ночном угоне машины. То есть, прокатавшись всю ночь на «Волге» по какой-то желтой грязи, он на подъезде к студии вымыл ее на автомойке, поставил машину на место и сидел в ней, ожидая, когда какая-нибудь съемочная группа будет выходить со студии. Увидев группу «Московских зорь», он дернулся за ней и только тут обратил внимание на грязные коврики у себя под ногами. Что было делать? Не оставлять же следы! Акимов взял эти коврики, свернул и по дороге к проходной сунул в мусорную урну. А поскольку он всю ночь не спал, то, придя домой, допил какую-нибудь заначку (или, выйдя со студии, купил бутылку в соседнем супермаркете) и завалился спать, выключив оба телефона – и городской, и мобильный.

То есть тут все сходилась очень логично, за исключением одной детали: в мусорной урне было *два* грязных коврика. И если на одном были четкие отпечатки акимовских кроссовок, то на втором была просто желтая грязь без всяких видимых следов хоть какой-то обуви. Но кто-то же наследил на этом коврике! Не станет же водитель машины специально топтать грязью коврик под соседним сиденьем! Вот и выхо-

дит, что угонщиков было два и что второй был легкий, почти невесомый, то есть женщина или девушка.

Я напрягся, пытаюсь вспомнить туфли на сношенных каблукках, торчавшие из-под одеяла, которым укрывалась девушка-привидение, спавшая в наших декорациях у левой колонны балюстрады дворца Понтия Пилата. Но на телеэкране в кабинете Пряхина этот кадр промелькнул так быстро, что я ничего не вспомнил. Неужели Акимов ночью катал на «Волге» привидение Горбаневской? И неужели сейчас они вдвоем спят в его квартире на шестом этаже? Сколько же мне придется тут сидеть, пока они выспятся? Я уже дважды поднимался к этой квартире и звонил в дверь, но никто не открыл, и вообще, за дверью не было ни звука. Но даже если у Сереги роман с этим привидением, я все равно дождусь его выхода из дома!..

Отвратительный скрип детских качелей вернул меня на землю. Два пацана лет десяти-одиннадцати стали стоя раскачиваться на этих качелях буквально в пяти шагах от меня. При сегодняшней отвратительной жаре (+29!) эти отвратительные дети своим отвратительным скрипом вызывали у меня отвратительное раздражение. Между прочим, во дворе моего дома периодически звучит точно такой же скрип, мешая мне работать. А когда я, взбешенный, выглядываю в окно, то вижу детей, раскачивающихся на отвратительно скрипучих качелях, и их отвратительных мамаш, которые как ни в чем не бывало оживленно токуют на соседней скамейке. И

никому из них не приходит в голову хоть раз в год смазать эти качели хотя бы подсолнечным маслом!..

Пытаясь отвлечься от ужасного – как серпом по металлу – скрипа, я попробовал вникнуть в газетные заголовки. Война на Украине. Причем некоторые газеты пишут «на Украине», а некоторые «в Украине». Но и в том, и в другом случае мы к этой войне отношения не имеем. Что лично у меня никаких сомнений не вызывает. Украинская армия не может справиться с повстанцами, потому что давно потеряла всякую боеспособность – там, в/на Украине было такое воровство и коррупция, что армию не только годами не обучали, но даже не кормили. А вот донецкие шахтеры, потомки легендарного Стаханова, – настоящие герои! За эти же годы, не получая никакой зарплаты, собрали в шахтах самодельные «Грады», «Торнадо», «Ураганы» и другие зенитно-ракетные комплексы, обучились военному искусству, а теперь выкатили из шахт эти ЗРК и шмаляют по киевским войскам так, что от тех только ошметки летят. Наверное, как только эти шахтеры провозгласят независимость Новороссии, им уже в шахтах делать нечего, с их мастерством и опытом боевых действий им нужно срочно дать российское гражданство и призвать в нашу армию, назначить инструкторами и командирами.

Или пусть себе там воюют, в/на Украине? Недавно я читал дневники Юрия Нагибина, он еще в 1975-м писал, что простые люди мечтают о войне. Они, мол, устали от рuti-

ны, безнадеги, неспособности вышагнуть за малый круг своей судьбы, от необходимости отвечать за семью, рассчитывать каждую копейку и ничего не значить в громадности социального равнодушия. Мол, вот почему бывают войны – ее хочется трудягам, мелким служащим, бухгалтерам, счетоводам, инженерам, молодым парням и многим женщинам...

А в Крыму, пишут газеты, скоро сделают игровую зону, откроют казино. Это замечательная идея. По моим непрофессиональным прикидкам присоединение Крыма обошлось нам в миллиарды долларов, эти деньги надо как-то вернуть, хотя бы через казино. Правда, как мне помнится, сразу после бегства Януковича Яценюк сказал, что для спасения украинской экономики им нужно 35 миллиардов баксов. И поэтому я думаю, что проще было выкупить у Украины этот Крым – скажем, дать им зелеными миллиардов пятьдесят в рассрочку и при условии, что они никогда не вступят в НАТО, не разместят на своей территории натовские базы и сделают русский язык вторым государственным. Ей-богу, за такие бабки они бы отдали нам не только Крым, но и Юлию Тимошенко в придачу! Ну, стырили бы миллиардов пятьдесят, но остальные деньги пошли бы на зарплаты шахтерам и пенсии старикам. И были бы у нас с Украиной снова братские отношения, и сделали бы мы в Крыму ту же игровую зону, и со всей Европы и даже из арабских стран полетели бы миллиардеры в ялтинские казино, чтобы пополнить наш бюджет и компенсировать расходы на возрождение Крыма.

Да и киевские миллиардеры спустили бы в Ялте половину тех миллиардов, которые мы бы им одолжили...

Кто-то тронул меня за плечо, разбудив от нелепого сонного миража. Я заполошно открыл глаза – надо мной стоял Серега Акимов, а мои газеты валялись на земле вокруг меня.

– Ты чо тут делаешь? – спросил Серега, зевая.

На нем были мятая футболка, потертые камуфляжные шорты и все те же кроссовки «Адидас» на босу ногу. А в руке – старая советская авоська с пятью бутылками немецкого пива «Dingslebener Edel-Pils».

То есть я проспал его выход из подъезда и, разморенный жарой, промечтал в своем дурацком сне о мирном присоединении Крыма, пока Серега сходил в магазин и вернулся.

– Ну? – сказал Акимов. – Пойдем пиво пить.

Я понял, что если он приглашает меня к себе, то никакой Горбаневской у него в квартире нет. А если и была, то я проспал ее выход.

– Ты это... – сказал я и потянул Акимова за штанину шортов. – Поставь ногу на лавку.

– Зачем?

– Ну, поставь, что тебе стоит?

– Ну, поставил... – и он действительно поставил на лавку свою левую ножищу в кроссовке «Адидас».

Я чуть пригнулся и убедился, что на подошве между выпуклыми косыми рубцами – точно такая же желтая засохшая грязь, как на коврике из мосфильмовской «Волги». По-

сле чего я достал из кармана свой айфон, нажал крохотную иконку «камера» и показал Акимову фотографию этого коврика с отпечатками его кроссовок.

Честно признаюсь: я ожидал чего угодно, но только не того, что случилось дальше. Акимов мог отнекиваться, все отрицать или сыграть в молчанку, но чтобы вот так, сразу дать мне в морду, да еще с такой силой, что я слетел со скамейки, как Полонский от удара Лебедева на телевизионной программе... Нет, этого я от моего вгиковского однокурсника и приятеля никак не ожидал. Конечно, в студенческие годы, когда мы оба жили во вгиковской общаге в городке Моссовета, я нередко лупил кулаками в его богатырскую грудь. Потому что даже среди ребят с операторского факультета, а туда берут в основном парней гренадерского роста, Акимов выглядел если не Ильей Муромцем, то Шварценеггером. И конечно, все девчонки с актерского факультета млели от одного его взгляда, он мог любую из них затащить в свою комнату, и как я теперь понимаю, именно поэтому я, встречаясь с ним в коридорах общаги, как бы шутя, но изо всех сил ревниво лупил кулаками по его богатырской груди и слушал, каким эхом отвечают стены и потолок. Я был (да и есть) старше и ниже Сереги на голову и вдвое уже в плечах, и это давало мне право лупить его сколько угодно, ему даже нравилось это, он стоял, выпятив грудь, и улыбался.

Но чтобы тот же Серега поднял на меня руку? А потом, сбив меня со скамьи, убежал, бросив авоську с бутылками!

Пацаны на качелях перестали качаться и молча таранились на меня во все свои расширившиеся от любопытства глаза. Я изумленно поднялся, тряся головой, и вытер нос. Крови, слава богу, не было, удар пришелся выше переносицы и прямо промеж глаз. Голова гудела. Акимовская авоська с немецким пивом валялась сбоку от скамейки, но моего айфона не было ни на земле, ни в траве за скамейкой.

– Он убежал в подъезд с вашим телефоном, – сказал один из пацанов.

– Спасибо. – Я собрал газеты, поднял авоську с пивом и, стараясь ступать твердо, пошел в Серегин подъезд. Голова продолжала гудеть.

– Ты все-таки еврей! – сказал мне Акимов.

– Только на одну четверть, – уточнил я. – Моя бабушка была еврейкой, а все остальные...

Мы сидели на кухне его холостяцкой квартиры и допивали третью бутылку немецкого пива «Dingslebener Edel-Pils». От него голова гудеть перестала, но обида на Серегу не прошла. Вообще-то, он не собирался пускать меня в свою квартиру, он не для того нокаутировал меня и сбежал с моим айфоном, то есть с фотографией вещественного доказательства его преступления. Но я звонил в его дверь без остановки, а когда услышал, что с той стороны Серега все-таки подошел к двери, сказал:

– Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение! Меняем пять бутылок лучшего немецкого пива «Dingslebener» на один айфон Антона Пашина! Меняем раз! Меняем два!..

На счете «три» он открыл дверь. И теперь изумлялся:

– Как ты допер искать эти коврики в мусорной урне?

– Дедукция, старик, – сказал я скромно и откупорил четвертую бутылку пива. – А теперь колись, как ты увел из музея «Волгу», где и с кем катался и откуда эта желтая грязь?

Серега допил свой стакан и вытер губы:

– Даже если я скажу, ты все равно не поверишь.

– Это я уже слышал! Колись! – приказал я и разлил пиво по стаканам.

Но Серега не стал пить, а поднялся со стула, ушел в комнату и тут же вернулся с несколькими страницами какого-то текста.

– Читай, – он положил передо мной эти страницы и взял свой стакан с пивом.

Я стал читать.

Запись очевидца демонстрации

Воскресенье, 25 августа 1968 года.

Полдень. Красная площадь заполнена провинциалами, интуристами. Милиция, отпускные солдаты, экскурсии. Жарко, полплощади отгорожено, и там пусто, кроме хвоста к Мавзолею.

Перед боем часов в 12.00 проходит развод караула у Мавзолея: толпы любопытных мальчишек бегут, глаза, к Спасским воротам и обратно к Мавзолею.

Часы бьют. Из Спасских ворот выскакивает и мимо ГУМа по улице Куйбышева проносится черная «Волга».

В этот момент у Лобного места, где народу довольно много – стоят, сидят, рассматривают собор Василия Блаженного, садятся несколько человек (7–8) и разворачивают плакаты. На одном из них метров с тридцати можно прочесть: «Прекратить советское

вмешательство в Чехословакию!»

...Через несколько секунд с разных ближайших точек к сидящим со всех ног бросаются около десятка человек. Первое, что они делают, – вырывают, рвут и комкают плакаты, ломают маленький чешский флаг, похожий на те, которые раздавали населению для встречи чешского президента два дня назад. Ликвидировав плакаты, подбежавшие бьют сидящих в лицо, по голове.

Сбегается толпа. Базарное любопытство к скандалу, вопросы друг к другу: «Что произошло?»

Среди толпы, окруженные первыми подбежавшими, сидят несколько обычно одетых людей лет по тридцать-сорок. Две молодые женщины в очках, и еще одна постарше, с проседью. В детской коляске спит младенец.

Любопытные не понимают, в чем дело, так как решительно ничего скандального заметить не могут, кроме того, что у одного из сидящих в кровь разбиты губы. Некоторые делают предположения: «Это, наверное, чехи», «Ну, и сидели бы у себя», «Сюда-то чего пришли?», «А если не чехи, то в милицию их, и всё». Но общий тон сразу же становится более определенным. Из окружающей толпы раздаются четко произносимые фразы: «Антисоветчики!», «В милицию их!», «Давить их надо!», «Жидовские морды!», «Проститутка, нарожала детей, теперь на Красную площадь пришла!» (видимо, в адрес женщины с коляской).

Сидящие либо молча глядят на окружающие их лица, либо пытаются объяснить, что они здесь протестуют против агрессии СССР в Чехословакии. Их негромкие слова покрываются криками: «Сволочи!», «Какая агрессия? Все знают, зачем мы туда пришли». Женщине, которая пробует вступить за сидящих, кричат: «А ее тоже надо арестовать!»

...Это продолжается минуты три-четыре. Милиционер свистками расчищает проход в толпе от светло-голубой «Волги», остановившейся в семидесяти метрах от Лобного места со стороны ГУМа. Люди без формы или каких-либо знаков отличия проводят к машине четверых мужчин и одну женщину (с проседью). Первый ведомый огрызается назад: «Не крути руки!» Другого несут, волокут. Третий – с разбитыми губами – перед тем как его вталкивают через заднюю дверцу, успевает крикнуть: «Да здравствует Чехословакия!» Всех мужчин, перед тем как засунуть в «Волгу», успевают ударить по голове; женщине, которую заталкивают последней, пригибают голову, чтобы влезла в низкую дверцу.

Машина отъезжает. У Лобного места остается сидеть женщина в очках, рядом стоит, держась за ручку коляски, другая женщина.

Между ними и остановившимися зеваками начинается перебранка. Голоса: «Хулиганы!», «Вам хлеб дают!». Ответ: «У меня сломали чешский флаг».

Некоторые уговаривают женщину с ребенком уйти, просят всех разойтись: «Граждане, дадим дыхнуть

ребенку!» Одновременно идет базарная ругань без мата и крики: «Их тоже в милицию!» Молодая блондинка, в общем, приятной наружности, втолковывает: «Таких, как вы, надо давить. Вместе с детьми, чтобы они идиотиками не росли».

Никто не трогается с места. После того как увезли мужчин, проходит минут восемь-десять, и другая светло-голубая «Волга» (метраж в десяти между Лобным и Мавзолеем) останавливается. Женщин несут на руках, не так грубо, как с мужчинами, обращаясь по дороге. Вместе с коляской грузят в машину.

Неудовлетворенная толпа остается, но милиционер-регулировщик на площади настойчиво просит разойтись. В некоторых местах ожесточенные перебранки: «А что вы их защищаете?!» Молодой человек в очках предлагает: «Давайте поговорим, разберемся», но партнеров для дискуссии не находит. Муж в тенниске энергично говорит толстеющей супруге в выходном платье: «Заткнись, если ничего не понимаешь!» Она пыталась присоединиться к хору осуждающих.

Народ начал расходиться (пробило четверть первого), но тут свистки, беготня милиции, регулировщиков – из Спасских ворот вылетают две черные «Чайки» и по проходу шириной метров восемь между двумя толпами проскакивают на улицу Куйбышева мимо ГУМа.

В окошках занавески. Во второй машине сзади вполоборота человек в шляпе, а рядом с ним

выглядывает через стекло правой дверцы физиономия, напоминающая Дубчека, который, как будет объявлено через два дня (во вторник), входил в делегацию ЧССР на переговорах в Москве.

Вслед за этим у зеленой «Волги» между Лобным местом и собором Василия Блаженного собирается новая толпа. У иностранца пытаются засветить пленку, он протестует по-русски с сильным акцентом. Машина трогается. Протесты смолкают. Толпа медленно рассредотачивается.

Слова: «Чехи протестуют, что флаг поломали». На вопрос: «А что такое?» – пожимают плечами.

На Спасской башне часы показывают 12.22.

В 16.00 25 августа Би-би-си в передаче новостей (на английском языке) упомянуло сообщение Рейтер из Москвы о задержании группы интеллигенции-демонстрантов против советского вмешательства в Чехословакии. Через два дня одна из радиостанций, вещавших на СССР, сообщила, что среди задержанных – Павел Литвинов и Лариса Богораз, жена сидящего писателя Юлия Даниэля. Задержанным будет предъявлено обвинение в нарушении «общественного порядка».

– Ну, и что? – спросил я, дочитав этот текст. – Где ты это взял?

– Скачал в Интернете. – Акимов отпил свое пиво. – Как, по-твоему, это можно снять?

– В каком смысле?

Он разозлился:

– Не в смысле, а в кино! Я тебя как сценариста спрашиваю: это похоже на сценарий?

– Конечно, похоже. Тут все визуально. А ты собираешься это снимать? Сейчас? Но кто ж тебе даст?

– Сейчас, конечно, не дадут, – он усмехнулся, – но лет через двадцать...

– То есть? – От изумления я даже захлопал ресницами. – Ты собираешься это снимать через двадцать лет и потому сегодня ночью стырил светло-голубую «Волгу»?

– Тепло... – улыбнулся Акимов. – Все-таки ты больше еврей, чем тебе кажется. Я бы никогда не додумался искать волговские коврики в мусорной урне.

– Хватит трюндеть! – выругался я. – Где и с кем ты ездил ночью на этой «Волге»?

Но вместо ответа Серега снова ушел в комнату и тут же вернулся с еще двумя листами текста.

www.memo.ru «Хроника текущих событий», 1968 г.

Рассказ Тани Баевой, восьмого участника демонстрации

...25-е. Красная площадь. Около двенадцати. Все в сборе, шутят, смеются. Вдруг появляется Вадик Делоне. Он узнал случайно. Ему не говорили, ведь он недавно вышел из тюрьмы. «Вадик, уходи!» – «Нет!» Он

улыбается.

12 часов. Полдень. Сели. Мы уже по другую сторону. Свобода для нас стала самым дорогим на свете. Сначала, минуты три-пять, только публика окружила недоуменно. Наташа Горбаневская держит в вытянутой руке флажок ЧССР. Она говорит о свободе, о Чехословакии.

Толпа глуха. Витя Файнберг рассеянно и близоруко улыбается.

Вдруг свисток, и от Мавзолея бегут шесть-семь мужчин в штатском – все показались мне высокими, лет по двадцать шесть – тридцать. Налетели с криками: «Они продались за доллары!» Вырвали лозунги, после минутного замешательства – флажок. Один из них, с криком «Бей жидов!», начал бить Файнберга по лицу ногами. Костя Бабицкий пытается прикрыть его своим телом. Кровь! Вскликаю от ужаса, потом, присев на корточки, платком вытираю Виктору окровавленное лицо. Другой колотил Павлика Литвинова сумкой. Публика одобрительно смотрела, только одна женщина возмутилась: «Зачем же бить?!» Штатские громко выражали возмущение, повернувшись лицом к публике.

Минут через пятнадцать подъехали машины, и люди в штатском, не предъявляя документов, стали волочить нас к машинам. Единственное желание – попасть в машину вместе со своими. Рвусь к ним, мне выворачивают руки. В одну машину, нанося торопливые удары, впихнули пятерых. Меня оттащили и посадили в другую машину. Со мной

посадили испуганного юношу, схваченного по ошибке. Матерясь, повезли на Лубянку, позвонили, выругались и повернули к пятидесятому отделению милиции...»

Дойдя до конца первой страницы, я возмутился:

– Почему я должен это читать?

– По кочану! – снова нахамил Акимов. – Ты сценарист или хрен собачий? Ты видишь, какое это кино?

– Конечно, вижу. И даже знаю название – «Их было восемь»...

– Нет, их было семь! Восьмая, эта Баева, соскочила, раскаялась. Но это неважно – семь их было или восемь на всю страну! Представляешь? Это шестьдесят восьмой год! Советский Союз – сверхдержава, полмира держим в руках! Чехи попробовали рыпнуться, Брежнев кинул на Прагу танки и полмиллиона солдат – и что? Даже от Запада – никаких санкций! Никто не пикнул! И только в Москве нашлись восемь безумных, которые вышли на Красную площадь с плакатами: «Свободу чехам!»...

Я снова изумленно смотрел на Акимова. С каких пор он стал оратором? Когда и где набрался этих политических знаний?

А он продолжал:

– И одна из этих безумных – тридцатилетняя пигалица величиной... ну, я не знаю... как Юлия Савичева! Но с грудным ребенком. Представляешь? Ты в каком году родился?

– В шестьдесят восьмом...

– А в каком месяце?

– В мае...

– Ну вот! А теперь представь: это твоя мать везет тебя в детской коляске на Красную площадь, и у тебя под твоей пухлой задницей плакаты за свободу Чехословакии! Ты ждешь, когда она достанет сисю и будет тебя кормить, а она достает эти плакаты и чешский флажок! И тут же набегают гэбэшники, бросают тебя и твою мать в машину, везут на Лубянку, и по дороге твоя мать кричит в окно: «Свободу чехам!», а гэбэшница на твоих глазах бьет ее по зубам. А? Это кино или нет?

– Откуда ты взял, что ее по дороге били по зубам?

– Я прочел! Это она сама написала, Горбаневская!

– Тебе? Прилетела из Парижа и написала?

Акимов открыл пятую бутылку пива, выпил ее прямо из горлышка и чуть поостыл. Потом сел за кухонный стол и сказал уже спокойнее:

– Ладно, старик. Хоть ты и еврей, но все-таки не такой умный, как выглядишь. И это утешает. Наталья Горбаневская собрала целую книгу документов и мемуаров о тех событиях. «Полдень» называется. Как их брали, как допрашивали и всем дали срока, а ее как кормящую мать отправили не в тюрьму, а в психушку.

– И срока им шила твоя бабушка, это я уже слышал.

– Вот именно... – Акимов попробовал выжать из бутылки в стакан еще несколько капель пива.

– Но какое это имеет отношение к украденной «Волге»? Куда ты на ней ездил и с кем?

– Куда-куда... – произнес он ворчливо. – На освоение объекта.

– Не трюнди. Я звонил Тимуру Закоеву, ни на каком освоении в ЦДЛ ты не был.

– В ЦДЛ не был, а на Красной площади был.

– На какой еще Красной площади? Что ты несешь?

Акимов глубоко вздохнул:

– Ладно, слушай. Привидение, которое ты видел у нас на съемке, это не Наталья Горбаневская. Это актриса, которая в две тысячи тридцать четвертом году играет Наталью Горбаневскую в фильме «Их было восемь»...

Таак! – подумал я, час от часу не легче! Это не Горбаневская прилетела к нам с парижского кладбища, а актриса из будущего. Очень хорошо! То есть Акимов уже допился до того, что входит в миражи с двух бутылок пива! Как мог Свиридов выпустить его из психушки, когда у него явная шизофрения и галлюцинации на почве алкоголизма?

Тут Акимов прочел мои мысли и сказал:

– У тебя есть бабки? Мы можем сходить за пивом? Только не смотри на меня как на психа. Я алкаш, но не шизофреник.

– Сережа, все психи так говорят.

– Может, и говорят, но кино не снимают. А я завтра днем буду в ЦДЛ снимать Булгакова, а ночью на Красной площади – «Их было восемь». И знаешь почему ты угадал название?

Потому что это ты напишешь сценарий.

– Секунду! – сказал я. – Две бутылки назад ты сказал, что будешь снимать этот фильм в две тысячи тридцать четвертом году. А теперь – что завтра ночью. Ты все же определись. По бутылке на десять лет – это не много?

– Тоша, – мягко произнес Акимов. – Я не антисемит, лысыми клянусь. Но иногда твои подначки выводят меня из себя, и я могу снова дать тебе в рожу.

– Спасибо, что предупредил, – и я правой рукой взял за горлышко пустую бутылку.

Акимов проследил за этим жестом и тоскливо перевел взгляд за окно. Там уже смеркалось.

– Н-да... – Он посмотрел на часы. – Без четверти десять. Через пятнадцать минут супермаркет закроется, мы останемся без пива.

Я понял его намек и сказал:

– Хорошо. Я даю тебе три минуты на честное признание – зачем и с кем ты стырил мосфильмовскую «Волгу». Если скажешь, мы за пять минут добежим до супермаркета.

– А может, наоборот? – попросил Серега. – Я тебе всё расскажу, клянусь!

И умоляюще заглянул мне в глаза.

– Старик, – сказал Акимов. – Через двадцать лет «Мосфильм» будет совсем другим...

В супермаркете на улице Пырьева немецкого пива уже не было, мы взяли чешское «Пльзеньский Праздрой» и сидели теперь во дворе акимовского дома на той самой скамейке, где он меня нокаутировал. Было сколько-то после десяти, жара спала, никто не скрипел на детских качелях, и вообще, было хорошо. Конечно, от немецкого пива было бы еще лучше, но все хорошее всегда кончается быстрее, чем нужно. К тому же говорить о демонстрации в защиту Чехословакии правильнее под чешское пиво.

Акимов допил первую бутылку и продолжил:

– Тогда, в две тысячи тридцать четвертом, мы уже не будем снимать ни телесериалы «Боронины-Хренонины», ни ремейки «Кавказской пленницы». Мы будем делать настоящее кино, – и он поднял руку, упредив мой вопрос «Откуда ты знаешь?». – Стой, не перебивай! Я знаю, потому я там был. Ты же видишь, я абсолютно трезвый. А позавчера, когда увидел на нашей площадке Наталью Горбаневскую – ну, не ее, конечно, а ту актрису, которая ее сыграет, – я был еще трезвей. Так?

Я молчал. Я решил дать ему высказаться до конца, какую бы чушь он ни нес.

– Вот, – удовлетворенно сказал Акимов. – Вчера у нас съемки не было, я мог себе позволить, но у меня закон – если я накануне принял больше пол-литра, то на следующий день отпиваюсь только чайным грибом. Ты гриб видел у меня на кухне? Не видел? А еще писатель! Ладно, проехали. Поскольку позавчера мы с Ярвашом нажрались так, что ночью завалились к Безлукову, то вчера я, вообще, ни грамма! Только гриб! Ну, ты меня видел...

Я не сдержался:

– Я тебя видел под яблоней, и мы с тобой пили не гриб, а коньяк.

– Вот! – сказал Акимов. – Вчера я нарушил свой закон! Представляешь? А всё почему?

Если я начну вспоминать, по каким причинам (и без них) Акимов нарушает свой «закон», не хватит стихов Маршака «Для пьянства есть такие поводы: поминки, праздник, встреча, проводы...». Но я сказал:

– Потому что срок Горбаневской шила твоя бабушка. Мы второй день ходим по кругу.

– Нет! – отрезал Акимов. – Не поэтому...

После этих слов он оглянулся по сторонам так, словно за каждым кустом могли сидеть американские шпионы или агенты КГБ. И сказал очень тихо, почти шепотом:

– А потому что в ту ночь я побывал в будущем. Заткнись и не перебивай! Можешь мне верить или не верить – твое дело! Но лучше молчи и слушай. Как они это делают, я не знаю,

но в две тысячи тридцать четвертом году они будут путешествовать во времени так же просто, как мы ездим в лифте. Причем, как мне объясняли, путешествовать в древние века им даже проще, чем на какие-то двадцать-тридцать лет назад. Потому что по Эйнштейну материя «пространство-время» как-то там искривлена так, вроде согнутого листа, что прыгнуть на десять тысяч лет назад легче, чем ползти по этому листу в наше время. Ты же знаешь, археологи постоянно находят древние наскальные рисунки летающих тарелок и людей в космических скафандрах и думают, что наши предки рисовали инопланетян. А это никакие не инопланетяне, это земные люди из будущего. – Акимов своей лапшей легко открыл следующую бутылку пива, сделал пару больших глотков и продолжил: – Короче, актриса, которая в нашем фильме «Их было восемь» играет Наташу Горбаневскую, прилетала сюда из две тысячи тридцать четвертого года за мной и за тобой. Понял? Спокойно, не дергайся. Тут нет никакой фантастики и никакого бреда. Рано или поздно человечество должно начать перемещаться во времени, вот в тридцать четвертом они и научились. Теперь вопрос: на хрена мы им нужны – я и ты? Что, у них нет своих киношников? Оказывается, не в этом дело. А в том, что через двадцать лет, даже раньше, я стану режиссером и буду снимать «Их было восемь» как режиссер-постановщик. Сечешь?

Я молчал. Было бы глупо отрицать, что рано или поздно человечество научится перемещаться во времени. Все-

го каких-нибудь сто лет назад не было никаких мобильных телефонов и реактивных самолетов, Анна Каренина бросалась под паровоз, Ленин отправлял телеграммы морзянкой, а Люмьер снимал деревянной кинокамерой с крутящейся ручкой. Человечество пять тысяч лет жило одним-единственным изобретением колеса. И вдруг в начале прошлого века словно кто-то сверху дал нашему прогрессу под зад, а точнее, открыл хляби небесные, и ливень невероятных открытий хлынул на головы земных вундеркиндов. Эйнштейн, Браун, Королев, Гейтс, Джобс, Брин, Байконур, Силиконовая долина, телевидение, компьютеры, гаджеты, полеты на Марс и дроны, которые развозят пищу по воздуху. Даже удивительно, почему телепортация стала доступна не сегодня, а только в две тысячи тридцать четвертом году.

Но зачем какой-то актрисе телепортироваться из будущего в сегодняшний день за алкашом Акимовым и мной, рядовым, к сожалению, сценаристом?

– Итак, Маша Климова – так зовут эту актрису, – сказал Акимов, – ей всего двадцать лет, но она похожа на Горбаневскую, и потому – что она, умница, сделала? После того, как я там, в две тысячи тридцать четвертом, утвердил ее на роль Горбаневской, она купила себе поездку в прошлое, слетала в двадцать пятое августа тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, посмотрела, как на самом деле все было на Красной площади, и на обратном пути тормознула у нас на «Мосфильме». Понимаешь?

– Нет, конечно. Но продолжай.

– Спасибо. – Акимов допил очередную бутылку чешского и поставил ее доньшком на землю рядом еще с тремя. – А фамилия «Климова» тебе ничего не говорит?

Я пожал плечами. Элем Климов был замечательным режиссером, поставил «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», а также «Агонию» и еще что-то великое, но он умер лет десять назад и, насколько я знаю, у него был сын, а не дочь. Кроме того, фамилия «Климов» хотя и не так многолика, как «Иванов», «Петров» или «Сидоров», но...

– Климов это наш Дима-бармен в «Софите», – перебил мои мысли Акимов. – Он еще не женат, вот она и залетела посмотреть на своего отца и подвести к нему гримершу Катю с «Московских зорь», свою будущую мамашу. Хотя обычным туристам во времени именно это строго запрещено. Я имею в виду – приближаться к своим предкам. Но что позволено быку... Или как там?

– Что позволено Юпитеру, не позволено быку, – подсказал я.

– Вот! – согласился Акимов. – В Советском Союзе для всех был железный занавес, а дети членов Политбюро летали в Африку на сафари. Через двадцать лет наш Дима-бармен будет хозяином сети экстремальных курортов в Антарктике, вот Маша и прилетела проверить, какую он подберет ей мамашу. Что ты смотришь на меня, как Самойлова в фильме «Летят журавли»?

– А как ты хочешь, чтобы я на тебя смотрел?

– Я хочу, чтобы ты меня отпустил вот за тот куст отлить.

– Ну, иди, – сказал я в ступоре. – Кто тебя держит?

Он ушел к дальнему темному кусту, и оттуда тут же слышался звук такой мощной струи, как у лошади.

Но я не обращал на это внимания. Пока всё, что он тут говорил, выглядело если не правдоподобно, то логично. Если через двадцать лет люди научатся телепортироваться в прошлое, то тут же возникнут агентства телепортации, где будут продавать путевки в разные века так же просто, как сейчас в Турцию, Черногорию и на Кипр. Деньги (интересно, какие?) будут брать не за километраж, а за летометраж, то есть за количество лет, на которое вы хотите отскочить в прошлое. Если я доживу до такой возможности, я, конечно, тут же отправлюсь в Восточный Берлин 28 января 1982 года и спасу там своего отца. Сразу после того, как он, следовательно по особо важным делам Генпрокуратуры СССР, закончил расследование обстоятельств так называемого «самоубийства» генерала Цвигуна, заместителя Андропова, его по распоряжению Брежнева ликвидировали в Берлине в дорожно-транспортном происшествии. Во всяком случае, так это изложено в опубликованном в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году мировом бестселлере двух авторов-эмигрантов, который я шестнадцатилетним пацаном слушал тогда по Би-би-си и «Радио “Свобода”»...

– Ты, конечно, в шоке, – сказал вернувшийся Акимов и за-

стегнул ширинку на своих камуфляжных шортах. – Но признайся: если бы ты дожил до телепортации, ты бы сгонял в прошлое к своему отцу или матери?

Я молчал.

– Вот, – сказал он. – Три дня назад Маша Климова привела гримершу Катю в «Софит» к своему будущему отцу, это ты можешь проверить у него самого. А сегодня... – и Акимов посмотрел на свои тяжелые командирские часы на левой руке. – А сегодня, я думаю, они уже делают эту Машу под яблоней в мосфильмовском саду. Во всяком случае, через месяц у них свадьба. Я уже приглашен.

– Кем ты приглашен? – спросил я тупо.

– Ну, не Димой, конечно. Он еще не знает. Мне Катя сказала.

Вот в это я поверил с ходу. Все мосфильмовские актрисы, гримерши, монтажницы и секретарши виснут на Акимове, как гусеницы на шелковице. Именно поэтому он до сих пор не женат – лучше баб могут быть только бабы, на которых еще не бывал. Катя еще не прилегла с Димой под довшенковской яблоней, а уже сказала Сереге о том, что выходит замуж.

– Дальше! – сказал я Акимову.

– А дальше просто, – ответил он. – Три дня назад Маша познакомила маму с папой и собралась отчалить домой в будущее, но что-то сломалось в ее телепортаторе, ей пришлось вызывать техпомощь и заночевать на студии. А техничка не

пришла – в будущем, чтоб ты знал, у нас такой же бардак, как сегодня. Турагентство «Князь Владимир», где она покупала путевку, обанкротилось, князь стырил все бабки и слинял, никто не знает куда. То ли к половцам, то ли в Константинополь – с бабками и до нашей эры можно было жить, как Абрамович, и иметь гарем из лучших моделей античности. Короче, Маша взяла в реквизиторской какое-то солдатское одеяло и первую ночь спала в нашем Пятом павильоне. Конечно, ее поездка была застрахована, но ты же знаешь наши страховые компании – они лучше удавятся, чем пришлют техничку даже за окружную дорогу! На второй день техничка тоже не пришла, а Пряхин приказал Стороженко обыскивать по ночам все павильоны. Ну что ей было делать? Идти в «Софит» и говорить: «Папа, ты меня еще не сделал, но вот я, мне двадцать лет, пусти меня переночевать»? Представляешь, что бы с ним было? У Маши остался один выход – прийти ко мне как к своему режиссеру. Ведь это я утвердил ее на роль Горбаневской, и ради этой роли она отправилась в шестьдесят восьмой год! Конечно, когда она мне открылась, я хотел снова бежать в психушку к Свиридову. Но она, слава богу, это учла и пришла сюда с бутылкой...

– Сюда? – удивился я.

– Ну, не сюда на детскую площадку, – ответил Акимов, – а в мою квартиру.

– На шестой этаж?

– Ну да. А что?

Почему-то теперь меня больше всего задело не то, что эта Маша прилетела из будущего, а то, что она сама и даже с бутылкой пришла к нему в квартиру. И я едко спросил:

– Лифтом поднялась или в окно влетела?

– Сейчас в лоб получишь, – мирно сказал Серега.

Но меня уже было не остановить:

– И ты ее, конечно...

– Цыть! – прикрикнул он. – Ни я ее, ни она меня. Я, вообще, в шоке был. И тут она получила флюиграмму от продюсера нашего фильма «Их было восемь». Знаешь, кто этот продюсер?

Я пожал плечами – откуда я могу знать, кто в 2034 году будет продюсером этого фильма?

– Тимур Закоев! – победно возгласил Акимов. – Представляешь? Сейчас ему сорок пять, и кто он? Второй режиссер, дерьма пирога! А через двадцать лет станет миллионером и хозяином собственной киностудии «Тимурфильм»! Представляешь? Ездит там на левитаторе «Бэнтли»! И он сообщил Маше, что может вытащить ее в будущее, если она притащит туда на съемку светло-голубую «Волгу», которая стоит в музее «Мосфильма». Но ты же знаешь, это старая «Волга», с ручником и бензиновым двигателем. Маша ее водить не может, у них в будущем нет таких машин, они там все летают на левитаторах. Короче, мы пошли на студию, проникли в музей и... Остальное ты знаешь – я слетал с ней в будущее.

– Ага... – снова сказал я тупо. – Ты слетал в будущее, это понятно. А откуда грязь на ковриках? Там у них нет асфальта?

– Старик, я же тебе говорил: я был на освоении Красной площади.

– Ага. А вся Красная площадь в грязи по колено, да еще желтой.

– Все-таки ты еврейский зануда. Неужели ты думаешь, через двадцать лет на Красной площади можно будет снимать кино? Там туристов – пропасть! И все на левитаторах! Нет, старик, туда не пробиться ни за какие бабки! Поэтому Закоев построил бутафорскую Красную площадь, Манежку, Тверскую и Китай-город сразу за сотым километром Ярославского шоссе, рядом со Свято-Алексеевской обителью. И сделал на этом миллионы, там теперь со всего мира кино снимают – сталинская эпоха, брежневская, Первая холодная война, Вторая...

– А будет Вторая холодная война?

– А уже идет! Ты что, не знаешь?

– И чем кончится?

– Этого я не знаю. Я там был всего два часа, да и то под дождем! Мы попали в такой ливень – ужас! Съемка отменилась, у Зкоева половину декораций смыло! Но я успел посмотреть сценарий и сказал ему, что этот сценарий никуда не годится, я по нему снимать не буду.

– Почему? Ты же сказал, что это я написал сценарий.

– Нет, я сказал, что ты *напишешь*. А тот сценарий, который у него, – чистое фуфло, просто склеили эпизоды из мемуаров свидетелей и протоколов допросов диссидентов, но нет ни характеров, ни вкусных диалогов. Короче, я сказал Тимуру, чтобы он поставил фильм на консервацию, и пока ты не напишешь сценарий, я даже к камере не подойду. Так что бери первоисточники, садись и пиши, понял?

Я усмехнулся:

– Ага! Разбежался!

– А что? Почему нет?

– А где договор? Аванс? И вообще, почему ты был в будущем, а я должен сидеть тут и нюхать то, что ты отлил за кустом?

Акимов молчал, открывал последнюю бутылку чешского пива.

– Ну?! – сказал я требовательно. – Что ты молчишь?

Он протянул мне бутылку:

– Пей ты первый...

– Это аванс за сценарий?

– Нет, просто пей первым, и всё.

– А с чего ты вдруг такой добрый?

– А я, вообще, добрый, – неожиданно мягко сказал Акимов и сел на скамью рядом со мной, положил мне руку на плечо. – Я тебя люблю, ты же знаешь...

Этого только не хватало, испугался я, и отодвинулся:

– Кончай эти штучки. Не буду я сейчас писать тебе ника-

кой сценарий. Если ты действительно будешь снимать этот фильм через двадцать лет, то через двадцать лет и напишу.

– Антон, дай мне в морду, – вдруг сказал он.

Я удивился:

– С чего это?

– Ну, я же тебя ударил...

– Вот именно. Ни за что.

– Это была первичная реакция. Я не успел подойти, а ты мне – раз и эту фотку в морду со следами моих кроссовок. А ты же в каком-то Совете МУРа...

– Прокуратуры, – поправил я.

– Ну вот, – продолжил он. – Я подумал – сейчас меня будут брать за воровство этой «Волги». Дай мне в морду, чтоб мы были квиты.

– Когда-нибудь дам. А пока пусть будет в резерве.

– Да? Тогда выпей пива, я прошу как друга, – снова мягко сказал Акимов.

Мне, конечно, не понравилась эта мягкость, но пиво я выпил – ровно половину бутылки. И протянул ему остаток, но он сказал:

– Пей до конца.

– А в чем дело?

– Понимаешь... – Он замялся и даже откашлялся, как будто слова застряли у него в горле и он должен был вытолкнуть их. – Как тебе это сказать... Короче, тебя нет в будущем.

Я опешил:

– В каком смысле?

– Только ты не волнуйся. Хорошо? Понимаешь, когда я сказал Закоеву, что ты будешь писать сценарий, он развел руками: «Старик, Антона уже нет, он ушел».

Но я еще не врубился и тупо переспросил:

– Ушел? Куда я ушел?

Акимов молчал, и только теперь до меня дошло, что через двадцать лет, в две тысячи тридцать четвертом, меня уже не будет в живых.

Я медленно допил бутылку пива и спросил:

– Когда это случится?

Часть вторая

Чудовище озера Небесного Кленового листа, или Чтоб не пропасть под халифатом

1

Как вы будете себя чувствовать, если вам вдруг скажут, что через двадцать лет вас не будет в живых?

Нет, я понимаю: мы все знаем, что смертны и когда-нибудь умрем. Но чтобы вот так в лоб и совершенно конкретно... Мне сорок шесть, через двадцать лет мне было бы всего шестьдесят шесть, с чего это я должен умереть? Я не курю и не пью, как Акимов. Так почему в две тысячи тридцать четвертом он будет жить и даже снимать кино, и Тимур Закоев, которому сейчас сорок пять, будет жить, как миллионер, и летать на каком-то левитаторе, а я буду лежать под землей?

Грустный и обиженный, я ходил по парку «Сокольники» и смотрел вокруг совершенно не так, как раньше, когда приходил сюда из дома размяться и подышать чистым воздухом. За последние десять лет наши Сокольники (парк, я имею в виду) буквально преобразились. Из запущенного, заросшего

сорняками и заваленного буреломом и мусором черт-те чего он снова превращается в цивилизное место, тут появились асфальтовые и плиточные дорожки и аллеи, «Тропа здоровья», розарий, ботанический сад, удобные скамейки, прокат велосипедов и роликовых коньков и рекламные стенды Владимира Шахиджаняна, главного сексолога Восточного округа. Народ это оценил, и теперь молодые мамы и бабушки катят по аллеям детские коляски с прелестными малышами, пацаны гоняют на гоночных велосипедах, и красивые девушки в банданах и ярких спортивных трико, красиво покачивая упругими попками, красиво летят на роликовых коньках, выбрасывая длинные ноги то влево, то вправо, как олимпийские чемпионки на ледовых дорожках.

Неужели меня не станет, а здесь всё будет так же, как сейчас? Эти деревья будут стоять, как стоят, малыши подрастут и будут гонять на великах, а девушки будут катать детские коляски, и никто даже не заметит моего исчезновения... Есть я или нет, был я или не был, написал я пять романов или двадцать пять, слушал я советы Шахиджаняна или обходился своими силами – природе и миру это совершенно безразлично. Земля не вздрогнет от моей кончины, мир не рухнет, солнце не сойдет со своей орбиты и 45-й трамвай, который идет мимо нашего парка, не только не сойдет с рельс, но даже не остановится! Нет, я не тщеславный маньяк, я не хочу, чтобы с моей смертью наступил конец света или произошли какие-то бедствия и цунами, но с дру-

гой стороны, разве нельзя хоть на секунду остановить трамвай и объявить: «Товарищи пассажиры! Только что нас покинул и ушел из жизни...» И чтобы на танцплощадке в парке «Сокольники» на минуту выключили «ламбаду», пенсионерки перестали танцевать и всплеснули руками: «Ой! Этот рыжий? Как жалко! Он же только вчера тут гулял!..» Как говорил великий Геннадий Шпаликов – «Страна не зарыдает обо мне, но обо мне товарищи заплачут».

Но заплачут ли?

Пока что я в одиночестве брел по «Тропе здоровья» и жалел самого себя так, как будто я уже умер.

Звонок мобильного вернул меня к жизни. Я сел на пустую скамью, достал из кармана айфон, увидел на экране «Тимур Закоев» и вдруг подумал: а откуда он звонит? Из Будущего?

Но он, конечно, звонил не оттуда. Хотя если там умеют телепортироваться в прошлое, то почему бы им не звонить нам оттуда по телефону? Представляете, вам десять или двенадцать лет, утром вы собираете ранец в школу, и вдруг звонок: «Алло! Это твоя внучка, сколько будет корень квадратный из трехсот двадцати?» Или еще лучше – вам шестнадцать и вдруг звонок: «Алло, Володя, это твой правнук. Сегодня вечером ты встречаешься с Людой, но имей в виду – у нее...»

Закоев прервал мои фантазии.

– Антон, и в чем дело? Ви пачему не на съемке? – сказал он жестким кавказским тоном.

Конечно, моим первым желанием было тут же поставить

его на место. Ни как редактор, ни как автор сценария я не обязан целыми днями торчать на съемочной площадке. Но тут я вспомнил о будущем вознесении Закоева в кинематографические олигархи и на всякий случай сдержал себя:

– А что случилось, дорогой?

Назовите любого кавказца дорогим, и он немедленно спрячет кинжал и гонор.

– У Верховского не идет сцена с Бездомным, – как-то даже интимно-доверительно тут же сказал Тимур. – Он приказал достать тебя из-под земли. Куда мне прислать машину?

– Из-под земли ты меня потом достанешь, – мрачно ответил я. – Парк «Сокольники», центральный вход.

И в сердцах дал отбой. Что за ё-моё?! То Акимов меня хоронит, то Верховский требует «из-под земли»...

Мысленно выругавшись, я встал со скамейки и пошел по аллее к центральному выходу из парка. Толстая шестилетняя девочка в нелепом желтом комбинезоне и с веревочками в рыжих косичках неуклюже, как кукла, расставив руки, катила мне навстречу на роликовых коньках.

– Алёна, стой! Алёна! – кричала издали ее бабушка, но толстая девочка не могла ни повернуть, ни остановиться и – я видел – собиралась рухнуть носом в клумбу с ромашками.

Я расставил руки и поймал ее в самый последний момент.

– Ой! Спасибо, дядя! – сказала она и подняла на меня свои испуганные васильковые глазки с крупными, как крыжовник, слезами.

Тут набежала ее бабка, остроносая и худая, как метла, я с рук на руки передал ей эту толстушку и пошел дальше, унося в душе ее васильковые, со слезами глаза и ее испуганный голосок: «Ой! Спасибо, дядя!»

2

Сцена у Верховского «не шла», потому что Бездомного, которого гениально мог бы сыграть Куравлев или в крайнем случае Дюжев, играл Киншутков. Почему нужно было на роль поэта-«валенка» брать толстяка Киншуткова из «Comedy club», я не знаю. Да, у «Comedy club» высокий рейтинг, но это не значит, что все его участники настоящие актеры. И теперь Киншутков не мог целиком произнести в кадре ни одного монолога Ивана Бездомного, хотя для любого настоящего актера сыграть психа – одно удовольствие. А этот просто не держал текст. «Дура! – кричит Бездомный в ресторане “Дома Грибоедова” какой-то женщине. – При чем тут Вульф? Вульф ни в чем не виноват! Во-во... Нет! Так не вспомню! Ну вот что, граждане: звоните сейчас же в милицию, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами, профессора ловить! Да не забудьте сказать, что с ним еще двое: какой-то длинный, клетчатый... пенсне треснуло... и кот черный, жирный. А я пока что обыщу Грибоедова... Я чую, что он здесь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.